

ВИКИЛИКС

Под редакцией
Джулиана Ассанжа

Сборник

Викиликс: Секретные файлы

Издательство «Кучково поле»

2015

УДК 327(100-87)
ББК 66.2

Сборник

Викиликс: Секретные файлы / Сборник — Издательство
«Кучково поле», 2015

ISBN 978-5-9950-0713-5

Джулиан Ассанж, основатель сайта WikiLeaks, публикующего секретные материалы о коррупции в высших эшелонах власти, шпионских скандалах, военных преступлениях и тайнах дипломатии, собрал в этой книге самые интересные материалы, посвященные внешней политике США. Издание рекомендовано политологам и всем интересующимся современной международной политикой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 327(100-87)

ББК 66.2

ISBN 978-5-9950-0713-5

© Сборник, 2015

© Издательство «Кучково поле», 2015

Содержание

Введение	6
Анатомия американской империи	8
Религия национальной безопасности и ассоциации международных исследований	10
Мир глазами американской империи	14
Часть I	19
1. Америка и диктаторы[3]	19
Какое отношение Америка имеет к диктатурам?	19
Ближний Восток: «величайший приз в истории»	24
Американская империя и диктаторы Ближнего Востока	30
Сильные госуларства, сильные рынки	32
Латинская Америка: три фазы империи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Викиликс: Секретные файлы

Под редакцией Джулиана Ассанжа

WikiLeaks

The World According to US Empire

Introduction by Julian Assange

Введение

«Викиликс» и империя

Однажды монах и двое послушников обнаружили тяжелый камень, лежавший поперек дороги. «Мы сдвинем его в сторону», – сказали послушники. Но, прежде чем они смогли приступить к делу, монах вытащил свой топор и расколол камень надвое. «Зачем ты расколол камень? Только для того, чтобы заставить нас оттащить его части в стороны?» – спросили они. Тогда монах показал на расстояние, на которое откатились половинки камня. С возмущением один из послушников взял топор монаха и бросился туда, куда откатилась половина камня. Расколов ее, он отбросил четвертинку, в то время как другой послушник выхватил у него топор и ринулся к ней. Он тоже расколол осколок камня и отбросил его дальше. Послушники продолжали в том же духе, смеясь и едва переводя дыхание, пока осколки не стали такими мелкими, что совсем перестали откатываться и не запорошили им глаза подобно пыли. Послушники заморгали в недоумении. «Каждый камень имеет свой размер», – сказал монах.

Ко времени, когда пишутся эти строки, «Викиликс» опубликовал в общей сложности 2 325 961 дипломатическую депешу и другие документы Государственного департамента США, что составляет примерно два миллиарда слов. Этот колоссальный и, казалось бы, неодолимый объем внутренней официальной документации, который, будучи напечатанным, составил бы примерно 30 тысяч томов, представляет собой нечто новое. Его, как и сам Государственный департамент, невозможно изучить, предварительно не разделив и не исследовав его части. Но выхватывать случайным образом отдельные дипломатические документы из точек пересечения известных объектов и конфликтов, как делают некоторые ежедневные новостные издания, означает не замечать «империю» за ее депешами.

Каждая совокупность имеет свой размер.

Чтобы подняться до нужного уровня обобщения, тому, кто рассматривает взаимосвязь между большинством депеш, относящихся к какому-то региону или стране, вместо рассмотрения этих депеш по отдельности необходим более научный подход. Этот подход настолько естественен, что кажется странным, почему никто не попытался применить его до сих пор.

Уже давно изучение империй – это исследование способов их коммуникации. Империи, от Вавилона до династии Мин, оставили высеченные в камне или записанные на папирусе документальные свидетельства того, как организационный центр взаимодействовал со своей периферией. Однако к 1950-м годам специалисты, изучающие исторические империи, поняли, что в некотором роде средства коммуникации – это и есть империя. Ее методы для запечатления сообщений, их передачи, индексации и хранения, а также методы классификации тех, кто имеет право читать и записывать эти сообщения, в прямом смысле *составляют* империю. Когда методы коммуникации империи изменяются, то изменяется и сама империя¹.

Устная речь имеет короткий временной диапазон, а камень – долговременный. Некоторые способы записи, такие как гравировка на камне, подходят для передачи сжатых институциональных правил, которые могут гарантированно передаваться на будущие месяцы и годы. Но эти методы не учитывали быстро развивающихся событий или бюрократических различий и разграничений: все высекалось в камне. Чтобы заполнить эти пробелы, империи с медленными системами письма все еще в значительной степени полагались на древнейший и пока самый эфемерный способ коммуникации человечества: на устную передачу сообщений – речь.

Другие способы, такие как запись на папирусе, были легкими и быстрыми для создания сообщений, но недолговечными. Такие материалы коммуникации имели преимущество в том, что их было легко создавать и передавать, унифицируя захваченные территории путем быстрого потока информации, который, в свою очередь, может питать реагирующий центральный орган управления. Такой центр с хорошо налаженными коммуникациями может интегрировать потоки поступающих разведывательных данных и быстро проецировать принимаемые им решения вовне, хотя и с сопутствующими тенденциями к сосредоточенности на сиюминутных целях и к мелочной опеке. Хотя море, пустыню или горы можно пересечь или обойти ценой каких-то затрат, а источники энергии можно открыть или захватить, способность проецировать устремления, структуру и знания империи во времени и пространстве прочерчивает абсолютную границу ее существования.

Культуры и экономики за годы своего существования использовали всевозможные методы коммуникации, от эволюции анекдотов, которые быстро становились известными благодаря тому, что ими делились между собой друзья, до распространения цен по пути торговых маршрутов. Все это само по себе не создает империю. Структурированные усилия при управлении обширной культурной и экономической системой с использованием коммуникаций – вот отличительный признак империи. И именно зафиксированные записи коммуникаций, не предназначенные для препарирования и потому особенно уязвимые для препарирования, образуют основу для понимания природы единственной оставшейся в мире «империи».

Анатомия американской империи

А где эта империя?²

Каждый рабочий день 71 000 человек в 191 стране, представляющие 27 различных правительственных ведомств США, просыпаются и проделывают путь мимо флагов, стальных ограждений и вооруженных охранников в одно из 276 укрепленных зданий, в которых расположены 169 посольств и других миссий Государственного департамента США. По пути к ним присоединяются представители и сотрудники из 27 других государственных ведомств и служб США, включая Центральное разведывательное управление, Агентство национальной безопасности, Федеральное бюро расследований, а также различные рода войск армии США.

В каждом посольстве сидит посол, который, как правило, близок к политическим, деловым или разведывательным кругам американской власти; карьерные дипломаты, специализирующиеся на политической, экономической и общественной дипломатии страны своего пребывания; руководители, эксперты, военные атташе, шпионы под внешнеполитическим прикрытием, персонал из других американских государственных служб (в некоторых посольствах дело доходит до открыто вооруженных военных или служащих сил специального назначения для проведения тайных операций); подрядчики, охранники, технические специалисты, переводчики, нанятые среди местного населения, уборщики и другой обслуживающий персонал³.

Над их головами радио- и спутниковые антенны прочесывают эфир, некоторые – чтобы связываться с родиной для передачи или приема дипломатических депеш или депеш ЦРУ, некоторые – для ретрансляции сообщений на военные американские корабли и самолеты; другие развернуты Агентством национальной безопасности для массового перехвата разговоров по мобильным телефонам и другого беспроводного трафика местного населения.

Дипломатическая служба США зародилась во времена революции, но именно в обстановке эпохи, наставшей после Второй мировой войны, Государственный департамент приобрел современный вид. Его рождение совпало с назначением государственным секретарем в 1973 году Генри Киссинджера, что было необычным во многих отношениях. Киссинджер не только возглавил Госдепартамент; он одновременно был назначен советником по национальной безопасности, что способствовало более тесной интеграции между внешнеполитическим, оборонным и разведывательным ведомствами американского правительства. Хотя у Госдепартамента давно имелась система передачи депеш, назначение Киссинджера привело к логистическим изменениям в их составлении, индексации и хранении. Впервые основная часть депеш стала передаваться в электронном виде. Крупные нововведения того периода до сих пор присутствуют в способе организации работы этого ведомства сегодня.

Госдепартамент США уникален среди органов государственной бюрократии Соединенных Штатов. Другие ведомства нацелены на заведование той или другой функцией, но Государственный департамент является представителем или даже «крышей», всех основных элементов американской государственной власти. Он обеспечивает прикрытия для ЦРУ, здания для оборудования по массовому перехвату информации АНБ, офисные помещения и объекты связи для ФБР, армии и других государственных ведомств, а также сотрудников, действующих в качестве торговых агентов и политических советников для крупнейших американских корпораций⁴.

Невозможно приобрести правильное представление о таком институте, как Госдепартамент, извне, подобно тому как художники эпохи Возрождения не могли понять, как движутся животные, не вскрыв их и не рассмотрев изнутри. Как инструмент дипломатии Соединенных Штатов Государственный департамент США непосредственно участвует в представлении дружелюбного лица империи, скрывая его внутреннюю механику. Ежегодно более миллиарда дол-

ларов выделяется из бюджета на «общественную дипломатию» (описательный термин) для направленной вовне пропаганды. Общественная дипломатия явным образом нацелена на оказание влияния на журналистов и гражданское общество с тем, чтобы они служили проводниками для трансляции того, что хочет внушить Государственный департамент.

Хотя в государственных архивах накоплены огромные объемы внутренней официальной переписки, их материалы намеренно скрываются или к ним затрудняется доступ десятилетиями, пока они не лишатся своей актуальности. Это неизбежно, поскольку устройство государственных архивов не рассчитано на защиту от неприятных последствий (в виде прекращения финансирования или истечения полномочий должностных лиц), к которым могла бы привести своевременная публикация и доступность архивов, имеющих международное значение.

Мощную силу раскрытию не предназначенных для обнародования сообщений придает как раз это: они не рассчитаны на то, что мы их прочитаем. Внутренняя переписка Государственного департамента США – побочный материальный продукт обеспечения его деятельности: их публикация – это вивисекция живого организма империи, показывающая, какая субстанция и когда выделяется из того или иного органа.

Дипломатические депеши пишутся не для того, чтобы манипулировать публикой, но предназначены для составных частей остального государственного аппарата США и, следовательно, относительно свободны от искажающего влияния соображений, относящихся к связям с общественностью. Изучение их – намного более эффективный способ понять такие институты, как Госдеп, чем чтение репортажей, написанных журналистами о публичных заявлениях Хиллари Клинтон или Джен Исаки.

Хотя в своей внутренней переписке чиновники Госдепартамента должны приспособлять свое перо к новейшим общепринятым в округе Колумбия мнениям, если они хотят выделяться в Вашингтоне по «правильным» причинам, а не по «неправильным», эти элементы политической корректности сами по себе заслуживают внимания, и они заметны внешним наблюдателям, недостаточно подвергнутым идеологической обработке. Многие депеши имеют совещательный характер или относятся к материально-техническому обеспечению, и их причинно-следственная связь во времени и пространстве с другими депешами и внешними документами создают систему интерпретационных ограничений, которая достоверно показывает, как Государственный департамент и ведомства США, взаимодействующие с его системой обмена сообщениями, понимают свое место в мире.

Только рассматривая эту совокупность документов как единое целое – в дополнение к каждому отдельному документальному свидетельству о злоупотреблении, каждому зверству, место которого установлено, – можно представить истинную человеческую цену, в которую обходится воздвижение империи.

Религия национальной безопасности и ассоциации международных исследований

Хотя существует большое количество литературы по структурному или реально-политическому анализу ключевых институтов американской власти, ряд ритуальных или даже квазирелигиозных проявлений, окружающих сферу национальной безопасности в Соединенных Штатах, заставляет предполагать, что с помощью только обозначенных методов такое не объяснить. Эти проявления узнаваемы в ритуале сворачивания флага, культе приказов и усердном преклонении перед рангом, но их можно увидеть и в экстраординарной реакции на разоблачения «Викиликс», в которой наблюдаются некоторые из их самых интересных особенностей.

Когда «Викиликс» публикует официальные американские документы с грифами секретности – если угодно, чем-то вроде «священных печатей» национальной безопасности, – начинаются две параллельные кампании: во-первых, публичная кампания по преуменьшению их значения, отвлечению от них внимания и уподоблению любых разоблачений угрозе престижу класса национальной безопасности; а во-вторых, внутренняя кампания в самом государстве национальной безопасности, чтобы переварить произошедшее. Когда документы, несущие такую печать, становятся достоянием общественности, они превращаются в запретные объекты, токсичные для «государства в государстве» – для более чем 1,5 миллиона американцев (по состоянию на 2014 год) с действующими допусками к секретным документам и тех на его более широкой периферии, кто чаёт его экономического и социального покровительства⁵.

Какой-то уровень истерии и оторванности от материального мира проявляется в этой реакции на откровения «Викиликс», что трудно объяснить с помощью традиционных теорий власти. Многие религии и культы придают своему классу священнослужителей дополнительную недостающую им значимость, держа свои религиозные тексты в тайне от верующих или от стоящих на более низкой ступени посвящения. Кроме того, эта техника позволяет классу священнослужителей применять различные психологические стратегии на разных уровнях идеологической обработки. То, что кажется смешным, лицемерным или макиавеллиевским общественности или имеющим более низкий уровень «допуска», всерьёз воспринимается теми, кто достаточно проникся доктриной или чувством, что их экономическое или социальное преимущество заключается в принятии отвергаемого ими в повседневной жизни.

Публично американское правительство заявило – солгав, – что любой человек, не имеющий допуска к секретности и распространяющий «секретные» документы, нарушает Закон о шпионаже 1917 года. Но заявления, делаемые в ходе кампании внутреннего «государства в государстве», работают в противоположном направлении. Вот оно приказывает тем самым людям, которые, как оно публично заявляет, единственные имеют право читать засекреченные документы, воздерживаться от чтения документов, опубликованных «Викиликс» и связанными с ним СМИ, со стоящими на документах грифами секретности, чтобы избежать их «пагубного влияния». Хотя сотрудникам, имеющим допуск секретности, разрешается читать эти документы, когда они поступают из секретных государственных хранилищ, тем же самым сотрудникам запрещено видеть те же самые документы, когда они появляются в открытых источниках. Если представители государства национальной безопасности, имеющие допуск секретности, прочли эти документы на общедоступном ресурсе, от них требуется добровольно сообщить о своем контакте с новым профанированным объектом и уничтожить все следы своего посещения.

Такая реакция, конечно, иррациональна. Засекреченные депеши и другие документы, опубликованные «Викиликс» и связанными с ним СМИ, полностью идентичны оригинальным версиям, официально доступным для тех, кто имеет необходимый допуск к секретным доку-

ментам, так как оттуда они и получены. Это электронные копии. Они в буквальном смысле не отличаются друг от друга ничем. Ни одним словом. Ни одной буквой. Ни одним битом.

Подразумевается, что есть некое нефизическое свойство, которое вселяется в документы, как только они получают грифы секретности, и что это магическое свойство исчезает не только при копировании документа, но и при обнародовании данной копии. Отныне публичный документ стал для приверженцев государства национальной безопасности не только лишенным своего магического свойства мирским объектом; он приобрел другое нефизическое свойство: превратился в зло.

Такой тип религиозного мышления имеет свои последствия. Это оправдание, используемое правительством США, чтобы заблокировать миллионам людей, работающим на «государство в государстве», возможность читать не только более 30 различных доменов «Викиликс», но и «Нью-Йорк Таймс», «Гардиан», «Шпигель», «Монд», «Пайс» и другие издания, публикующие его материалы⁶.

На самом деле в 2011 году правительство США разослало то, что можно назвать «Фетва о “Викиликс”», всем ведомствам федерального правительства, каждому федеральному государственному служащему и каждому подрядчику федерального правительства в сфере безопасности:

«Недавнее раскрытие сайтом “Викиликс” документов правительства США нанесло ущерб нашей национальной безопасности. Информация с грифом секретности, опубликована ли она уже на общедоступных веб-сайтах, в СМИ либо обнародована другими способами или нет, остается засекреченной и должна рассматриваться как таковая до момента ее рассекречивания соответствующими ведомствами правительства США...

Сотрудники фирм-подрядчиков, случайно обнаружившие потенциально секретную информацию на общедоступном домене, должны немедленно сообщить о ее наличии сотрудникам службы обеспечения безопасности. Компаниям дано указание уничтожать запрещенный материал, удерживая в нажатом состоянии клавишу SHIFT с одновременным нажатием клавиши DELETE для систем на основе ОС Windows и очищать кэш интернет-браузера»⁷.

Школа международных и общественных отношений Колумбийского университета после разговора с представителем Госдепартамента США предупредила своих студентов «не размещать ссылки на эти документы и не делать комментариев в социальных сетях, таких как «Фэйсбук», или через «Твиттер». Участие в такой деятельности поставит под вопрос вашу способность иметь дело с конфиденциальной информацией, что является частью работы на большинстве позиций при работе в федеральном правительстве».

Куча государственных департаментов и других организаций, включая даже Библиотеку Конгресса, заблокировали интернет-доступ к «Викиликс»⁸. Национальные архивы США заблокировали даже поиск в собственной базе данных по ключевому слову «Викиликс»⁹. Действительно, табу стало абсурдным, как собака, бездумно бросающаяся на все подряд и в конечном счете хватающая свой собственный хвост. К марту 2012 года Пентагон дошел до того, что создал автоматический фильтр, чтобы блокировать все письма электронной почты, включая и не связанные с Пентагоном, содержащие слово «Викиликс». В результате обвинители из Пентагона, готовившие дело против аналитика американской разведки рядового Мэннинга (предполагаемый источник появления документов «Депешгейта»), обнаружили, что они не получают важных электронных писем ни от судьи, ни от защиты¹⁰. Однако Пентагон не удалил фильтр – вместо этого главный обвинитель майор Эшден Фейн поведал суду, что была вве-

дена новая процедура ежедневной проверки фильтра для поиска заблокированных электронных писем, связанных с «Викиликс». Военный судья полковник Дэнис Линд сказал, что для стороны обвинения будут созданы специальные альтернативные адреса электронной почты¹¹.

Хотя подобная религиозная истерия кажется смешной тем, кто смотрит со стороны на сектор национальной безопасности США, она привела к серьезному ограничению анализа публикаций «Викиликс» в американских изданиях, посвященных международным отношениям. Тем не менее ученые в таких разнообразных дисциплинах, как право, лингвистика, прикладная статистика, медицина и экономика, не так пугливы. Например, в своей статье 2013 года в журнале *Entropy*, посвященном статистике, ДеДео и соавторы (все – граждане США и Великобритании) пишут, что «Афганский военный дневник» «Викиликс» «вероятно, станет стандартным набором как для специалистов, анализирующих человеческие конфликты, так и для исследований эмпирических методов анализа сложных, мультимодальных данных»¹².

Материалы «Викиликс», особенно депеши, активно используются даже в судах, включая национальные, от Великобритании до Пакистана и в международных трибуналах от Европейского суда по правам человека до Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии.

На фоне тысяч цитат, приводимых в судах, а также в других академических областях, бедность освещения в американских международных журналах не только странна, но и подозрительна. Эти журналы, доминирующие во всем мире в исследованиях международных отношений, должны быть естественным местом для надлежащего анализа собрания дипломатических документов «Викиликс» объемом в два миллиарда слов. Американский ежеквартальный журнал *International Studies Quarterly*, крупное внешнеполитическое издание, проводит политику отказа от рукописей, основанных на материалах «Викиликс», даже когда они состоят из цитат или полученного анализа. Согласно готовящейся к выходу статье «Кто боится “Викиликс”? Упущенные возможности в политологических исследованиях», издатель ИСК отмечает, что журнал в настоящее время находится «в нелегком положении» и что так и будет продолжаться, пока не изменится политика влиятельной Ассоциации международных исследований (АМИ). АМИ имеет 6500 членов по всему миру, и это доминирующее научное объединение в своей области. Кроме того, АМИ издает журналы *Foreign Policy Analysis*, *International Political Sociology*, *International Interactions*, *International Studies Review* и *International Studies Perspectives*.

Президент Ассоциации в 2014–2015 годах – Амитав Ачарья, профессор Школы изучения иностранных государств в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия. Почти половина из 56 членов его управляющего совета – это профессора тех же академических учреждений по всей территории Соединенных Штатов, многие из них работают также как школы-поставщики кадров для Госдепартамента США и других внешнеполитических ведомств правительства.

То, что АМИ вынесла запрет на появление единственного самого важного внешнеполитического архива США на страницах своих академических публикаций (что в противном случае должно было повредить их карьерам и академическим амбициям) ставит под вопрос всю их продукцию, их выводы, в значительной мере повлиявшие на то, как мир пришел к пониманию роли Соединенных Штатов в международном порядке.

Это смыкание рядов в академических кругах вокруг интересов Пентагона и Госдепартамента само по себе стоит анализа. Вымарывание депеш из внешнеполитических журналов – вид научной фальсификации. Потихоньку исключать исходные источники по неакадемическим причинам означает лгать путем умолчания. Но это указывает и на более широкую проблему: искажение области исследования международных отношений и смежных дисциплин из-за близости американских академических структур к правительству Соединенных Штатов. Их структуры не имеют даже независимости часто прогибающейся «Нью-Йорк Таймс», которая,

хоть и занималась цензурой депеш в разных видах, по крайней мере, смогла опубликовать их больше сотни¹³.

Искажения в исследованиях международных отношений со стороны этих журналов и цензура «Викиликс» – это явные примеры проблемы. Но ее идентификация открывает также и большие возможности: представить анализ международных отношений, не скованный цензурными ограничениями для засекреченных материалов.

Мир глазами американской империи

Книга начинается с обоснования необходимости научного анализа того, что миллионы документов, опубликованных «Викиликс», говорят о международной геополитике. Подход, применяемый в главах этой книги, заключается в отборе наиболее ярких из документов с целью показать, как Соединенные Штаты решают проблемы, связанные с динамикой различных региональных и международных сил. В этой первой книге невозможно охватить все множество материалов или связей, но я надеюсь, что она станет стимулом для журналистов, работающих в области крупных форм, и ученых, которые смогут достичь большего.

Глава 1 содержит размышления о положении Америки как «империи». Автор рассматривает, что это означает, стремясь дать характеристику американской экономической, военной, административной и дипломатической мощи в широком радиусе, на протяжении мировой истории последнего века. Данная глава определяет рамки «империализма свободной торговли», тема которой развивается затем в статьях раздела 2, – рамки, в которых используется американская военная мощь не с целью территориальной экспансии, но чтобы увековечить экономическое первенство США. Обе эти темы рассматриваются более подробно в главах 2 и 3. Глава 1, кроме того, помещает «Викиликс» в контекст беспрецедентного роста секретности в официальной сфере Соединенных Штатов и эволюции их власти после начала «войны с террором».

В главе 2 рассматриваются материалы «Викиликс» по так называемой «войне с террором». Кроме сжатого резюме военных преступлений и нарушений прав человека, засвидетельствованных документально в публикациях «Викиликс», вместе с подробным историческим обзором американского вторжения и оккупации Ирака и, как следствие, разворачивающейся там катастрофы, в этой главе также выводятся заключения об идеологической и концептуальной субструктуре американской «войны с террором», а также исследуется то, как одним из аспектов имперской прерогативы Соединенных Штатов стало применение решающей силы в качестве гарантии того, чтобы такие термины, как «справедливая война», «пытки», «терроризм» и «мирные жители», толковались преимущественно в пользу США. В качестве аргумента приводятся доказательства из полного спектра публикаций «Викиликс» наряду с другими источниками, такими как последний доклад о пытках ЦРУ. В процессе изложения в данной главе рассматриваются также вопрос двойных стандартов и проблемы, вытекающие из использования этих понятий (включая попытки поставить вне закона и маргинализировать сам «Викиликс»).

В главе 3 всесторонне обсуждается «империя свободной торговли» – взаимосвязь американской формы империи с продвижением по всему миру неолиберальной экономической реформы, дающей американским корпорациям доступ на «глобальные рынки». Глава опирается на депеши Госдепартамента, опубликованные «Викиликс», а также на публикации «Викиликс», относящиеся к 2007 году и касающиеся «частного сектора», включая материалы о банках и переговорах о глобальных торговых соглашениях. В главе приводятся яркие примеры того, как стремление к экономической интеграции укрепляет положение Соединенных Штатов как империи, не связанной с другими странами взаимными интересами, и дается логическое обоснование моделей вмешательства, военного или иного, проводимого в Латинской Америке и за ее пределами.

Глава 4 – это гид-самоучитель по пользованию Публичной библиотекой американской дипломатии «Викиликс» (Public Library of US Diplomacy, PLUSD), написанный редактором-исследователем Сарой Харрисон. На момент написания этой книги PLUSD содержит 2 325 961 экземпляр депеш и других дипломатических документов. Государственный департамент США использует собственную логику для создания, передачи и индексации этих документов,

совокупность которых составляет его первичную институциональную память. Харрисон объясняет, как научиться искать, читать и интерпретировать метаданные и содержание депеш, от печально известного ограничения CHEROKEE до использующихся Госдепом эвфемизмов вроде «противостоящий ресурсный национализм».

История политики США в отношении Международного уголовного суда (МУС) – это богатый пример для исследований того, как дипломатия используется в согласованных усилиях по подрыву международной организации. В главе 5 Линда Пирсон на основании депеш документально показывает усилия властей США по ограничению юрисдикции МУС. Сюда входят как подкуп, так и угрозы со стороны администрации Буша с целью принуждения стран, подписавших договор о МУС, к обеспечению иммунитета от обвинений в военных преступлениях для представителей США, а также, при администрации Обамы, более тонкие попытки превратить МУС в придаток внешней политики США.

Япония и Южная Корея десятилетиями были эпицентрами американского влияния в Юго-Восточной Азии. Депеши свидетельствуют о почти десятилетии усилий США повлиять на развитие внутренней политической ситуации в этих двух странах в соответствии с собственными долгосрочными интересами. В главе 14 журналист-исследователь Тим Шоррок рассматривает геополитический треугольник, созданный отношениями США с обеими странами, включая попытки Америки играть на отношениях с одной из них против другой как часть долгосрочных усилий по подрыву левых правительств и левой политики в этом регионе.

В глобальном приросте ВВП за последнее десятилетие 50 % приходится на Юго-Восточную Азию. Понимание этого привело к явному смещению военных, дипломатических и разведывательных ресурсов на Юго-Восточную Азию, охарактеризованному госсекретарем Хиллари Клинтон как стратегия «наступательной дипломатии»¹⁴. В главе 15 Ричард Хейдарьян изучает депеши по Юго-Восточной Азии и помещает свои выводы в более широкий контекст исторической критики американского влияния в регионе.

Критика империализма Запада вызывает самые острые споры в тех регионах мира, которые исторически были американскими протекторатами, например, в Восточной Европе. Европейские либералы настолько прониклись современной империалистической идеологией, что даже мысль о том, что Соединенные Штаты, возможно, управляют глобальной империей, как правило, отвергается со ссылкой на такие концепции, как «право защищать», что демонстрирует добровольный отказ не только видеть структуру американской власти по всему миру, но и слышать, что все чаще США говорят о себе как об «империи». В главе 6 Майкл Буш рассматривает развитие общих закономерностей влияния и подрывной деятельности, которые глобальная империя использует по отношению к политическим системам Европы и ее государств-членов. Эти темы включают тайное соглашение европейских правительств с ЦРУ по программам выдач и пыток, подрывную деятельность в отношении европейской криминальной юстиции и юридической системы с целью спасения от судебного преследования представителей американских спецслужб, предположительно участвовавших в пытках, а также использование американской дипломатии для открытия европейских рынков для аэрокосмических компаний США или экспансионистских, монопольных технологий и патентов, таких как генно-модифицированные организмы «Монсанто».

В главе 13 Филлис Бенине выбирает для широкого обзора публикации «Викиликс» по Афганистану – включая не только депеши Госдепартамента США, но и «Отчеты о значительных действиях» (Significant Action Reports, SIGACTs), опубликованные «Викиликс» как «Афганский военный дневник», отчеты о расследованиях Конгресса и другие документы по Афганистану, опубликованные «Викиликс» до 2010 года. Из всего этого следует жесткая оценка глупости американского военного вмешательства в Афганистан с 2001 года и его роли с точки зрения человеческих жизней и социального благополучия.

Геополитика – сложная вещь, а уж тем более, когда речь идет о такой стране, как Израиль. Военное доминирование Израиля на Ближнем Востоке; его дипломатические отношения с другими региональными игроками, такими как Египет, Сирия, Иран, Ливан и Турция; его роль как воплощения имперской политики США в этом регионе; его беззастенчивая эксплуатация своего охраняемого статуса при проведении политики геноцида по отношению к народу Палестины – все эти вопросы являются центральными темами главы 9 Питера Церто и Стивена Зюнса, внимательно изучивших соответствующие депеши Госдепартамента.

В главе 11, посвященной Ирану, Гарет Портер дает превосходное дополнение к главе об Израиле, предпочитая сосредоточиться на том, что говорят депеши о трехстороннем политическом противостоянии США, Израиля и Ирана, а также о тени, которую эта комбинация бросает на остальной Большой Ближний Восток. В частности, Портер обращает внимание на переговоры P5+1¹ об иранской программе обогащения урана, на усилия США по искажению разведывательных данных с целью изменения баланса международного консенсуса и направления его против Ирана, а также на роль Израиля как катализатора и проводника американской политики на Ближнем Востоке.

Конфликт в Ираке – центральная тема главы 12, автор которой, журналист Дар Джамаль, опирается на обширное собрание материалов «Викиликс», чтобы доказать, что США намеренно проводили политику разжигания религиозных разногласий в Ираке после своего вторжения и оккупации, в уверенности, что при таких условиях будет легче господствовать в этой стране. Последовавшее опустошение в мельчайших подробностях документируется с помощью материалов «Викиликс», включая американские депеши, доклады расследований Конгресса с 2005 по 2008 год и иракские военные материалы с 2010 года. Джамаль уделяет особое внимание движению «Сахва» – спонсируемой США программе борьбы против повстанцев, которая реализовывалась в ответ на растущее влияние филиалов «Аль-Каиды» среди иракцев-суннитов, разочарованных марионеточным проамериканским, контролируемым шиитами правительством Нуури аль-Малики. Соединенные Штаты платили большому числу иракцев, чтобы те уходили от суннитских повстанцев и вместо этого сражались против «Аль-Каиды», с обещанием предоставить им постоянную занятость путем включения в регулярную иракскую армию. Как утверждает Джамаль, неспособность правительства Малики выполнить это обещание привела огромное число обученных США, вооруженных США и финансировавшихся США – а сейчас безработных – суннитских боевиков к возвращению к мятежникам, и в конечном итоге они пополнили ряды бывшего филиала «Аль-Каиды» в Ираке, который с 2014 года стал известен как ИГИЛ, или Исламское государство².

Депеши показывают, что готовилась сцена для появления ИГИЛ по ту сторону северо-восточной границы Ирака, в Сирии. С тех пор как в 2011 году в Сирии разразилась гражданская война, ее поджигатели в СМИ требовали, чтобы вооруженные силы Запада провели бомбардировки Сирии с целью смещения Башара аль-Асада – который изображался, по обычной либерал-интервенционистской моде, как «новый Гитлер». Возникновение Исламского государства, для которого правительство Асада в Сирии является единственным жизнеспособным противовесом, привело этот пропагандистский консенсус в замешательство. Но американское правительство разрабатывает планы по смене режима в Сирии, а его приверженность курсу на поддержание нестабильности в регионе, как это явствует из депеш, присутствовала задолго до начала сирийской гражданской войны. Глава 10, написанная Робертом Найманом, предлагает детальный анализ депеш из Дамаска, указывая на важные исторические предчувствия сегодняшней ситуации в Сирии, и развенчивает возвышенные словесные построения американских дипломатов о правах человека, чтобы обратить внимание на имперскую интонацию аме-

¹ Пять постоянных членов Совбеза ООН и Германия. – *Примеч. пер.*

² Террористическая организация, запрещенная на территории РФ. – *Примеч. издателя.*

риканской внешней политики и риторики по отношению к Сирии, включая конкретные усилия внутри страны по подрыву правительства и привнесению хаоса последних месяцев – усилий, предпринимавшихся целое десятилетие, предшествовавшее 2011 году.

Существует расхожее выражение, определяющее Турцию как «мост между Востоком и Западом», но нельзя отрицать, что эта страна с населением примерно 75 миллионов человек занимает важное положение – и как региональный игрок в ближневосточной геополитике, и как крупная и экономически мощная номинальная демократия на окраине Европы. Как показывает Конн Хэллинан в главе 8, депеши Госдепартамента иллюстрируют усилия США по эксплуатации этого геополитического значения Турции. Хэллинан использует названные депеши как повод, чтобы дать картину региональных альянсов Турции, ее стратегических интересов и внутренних дел. Среди освещаемых им тем затрагивается и комплекс стратегических расчетов в энергетике, требующих деликатных отношений Турции с Ираном и Россией, даже когда Турция обхаживает Соединенные Штаты, Европу и Израиль в своих попытках получить доступ на западные рынки. В этой главе рассматривается также переговорная сила Турции, продемонстрированная в действии при наложении вето против избрания бывшего премьер-министра Дании Андерса Расмуссена главой НАТО для того, чтобы заставить США оказать давление на правительство Дании с целью закрытия расположенной там курдской телерадиостанции. В эссе затрагиваются также внутренние проблемы Турции, такие как политика властей по отношению к курдским сепаратистским организациям, а также экстраординарный скрытый политический конфликт и интрига между Реджепом Тайипом Эрдоганом и политическим деятелем-экспатриантом Фетхуллахом Гюленом.

С окончания холодной войны, и особенно во время так называемой «войны с террором», американская дипломатия переориентировалась на Южную, Центральную и Восточную Азию. За исключением одного-двух обострений, американо-российские отношения как главный «мотор» в геополитике отодвинулись в общественном сознании на второй план. Все изменилось, конечно, в результате конфликта на Украине. Но общественное сознание – это не реальность. Как показывает Русс Уэллен в главе 7, в течение десятилетия с начала нового столетия США проводят политику агрессивного расширения НАТО, оспаривая региональную гегемонию России в Восточной Европе и на бывших советских территориях, и стремятся подорвать договоры по ядерному оружию, чтобы сохранить свое стратегическое преимущество. Как показывают депеши, эти усилия не остались незамеченными Россией и стали повторяющимися темами конфликта в американо-российской дипломатии, даже в периоды самых теплых отношений. Глава представляет необходимый контекст для последних трений Востока и Запада, сосредоточенных вокруг Сирии, Украины и предоставления убежища Эдварду Сноудену, а также дает критический взгляд на геополитические отношения, которые при неправильном управлении угрожают выживанию нашей цивилизации и даже нас самих как вида.

Пожалуй, никакой регион мира не демонстрирует полного спектра имперского вмешательства США так ярко, как Латинская Америка. С 1950-х американская политика в Центральной и Южной Америке сделала известной концепцию осуществляемых ЦРУ государственных переворотов, смещающих демократически избранные левые правительства и приводящих к власти дружественные США правые диктатуры, которые начинают переходящие в наследство жестокие гражданские войны, создают эскадроны смерти, осуществляют пытки и похищения и разоряют миллионы людей ради прибылей американского правящего класса.

Как Александер Мэйн, Джейк Джонсон и Дэн Битон отмечают в главе 18, англоязычная пресса не увидела ничего дурного в депешах Госдепартамента, сделав вывод, что они не соответствуют «стереотипу о подготовке Америкой государственных переворотов, заботятся только о бизнес-интересах и имеют дело только с правыми». Ситуация обстоит в точности наоборот: депеши показывают плавную преемственность между жесткой политикой США в Латинской Америке во время холодной войны и более изощренными играми по свержению

правительств, которые имели место в последние годы. Глава 17 дает широкий обзор использования USAID и якобы идущих снизу акций «гражданского общества», так же как и других, более откровенных методов по «смене режимов» в Сальвадоре, Никарагуа, Боливии, Эквадоре и Гаити. Авторы обращают внимание на Венесуэлу, социалистического врага в сегодняшней ситуации, и конкретно на усилия США по подрыву страны как регионального оплота левых вслед за провалившейся, поддерживаемой США попыткой переворота против правительства Чавеса в 2002 году.

Реакция Соединенных Штатов на публикацию материалов «Викиликс» выдает убежденность, что их власть заключается в неравноправии получения информации: все больше знания для империи, все меньше для ее подданных.

В 1969 году Дэниэл Элсберг, позднее ставший известным благодаря организованной им утечке бумаг Пентагона, имел доступ к совершенно секретным документам. Генри Киссинджер обратился за получением допуска «СС». Элсберг предупредил его об опасности этого:

«Вам станет... очень трудно учиться у тех, кто не имеет такого допуска. Потому что вы, слушая их, будете думать: “А что бы рассказал мне этот человек, если бы он знал то, что знаю я? Давал бы он мне такие же советы или полностью изменил бы свои прогнозы и рекомендации?” Вы будете иметь дело с человеком, не имеющим такого допуска, только с той точки зрения, чтобы заставить его поверить в то, что вы хотите, и какое впечатление желаете у него оставить, поскольку вынуждены будете ему аккуратно лгать о том, что вам известно. В сущности, вы будете вынуждены манипулировать им. Вы откажетесь от попыток оценить то, что он должен сказать. Опасность в том, что вы становитесь кем-то вроде идиота. Вы станете неспособным чему-то научиться у большинства людей в мире, безразлично, сколько у них может быть опыта в их конкретной сфере деятельности, который, возможно, намного больше вашего»¹⁵.

Освобожденные от печатей секретности, материалы «Викиликс» перебрасывают мост через пропасть между «идиотами», которые имеют доступ к секретным документам и ничему не учатся, и нами, их читателями.

Часть I

1. Америка и диктаторы³

Какое отношение Америка имеет к диктатурам?

Правительство Соединенных Штатов все время очень открыто и отважно обличает авторитарные режимы: в настоящее время объектами негодования Вашингтона являются Северная Корея, Иран и Сирия. В то же самое время оно избирательно начинает войны с авторитарными режимами, от Панамы до Ирака, в зависимости от требований ситуации. Из депеш, собранных «Викиликс» начиная с 2009 года, видно, что американские дипломаты в конфиденциальной переписке часто очень резки в отношении зарубежных лидеров и правительств других стран. И тем не менее Соединенные Штаты поддерживают сети симпатизирующих им авторитарных режимов в обширных частях мира, где они обладают влиянием. Те же самые режимы, с которыми США воюют, некогда, на определенном этапе, были американскими союзниками. Ирония, которую едва ли можно не заметить по отношению к Норьега и Хусейну, состоит в том, что они были смещены и подвергнуты пародии на судебный процесс за преступления, совершенные при поддержке США.

За другие режимы Вашингтон, напротив, стоит до последнего. Взять относительно мягкий пример Туркменистана. Делегация, посланная в 2009 году из американского посольства в Ашхабаде, содержит ядовитую краткую характеристику диктатора этой страны Гурбангулы Бердымухамедова. Написанная американским поверенным в делах, она едко описывает диктатора как «тщеславного, подозрительного, осторожного, жесткого, очень консервативного, опытного лжеца», «хорошего актера» и «мстительного» человека.

Наверное, самое убийственное замечание помимо того, что он дурной и мелкотравчатый диктатор, он «не очень умный парень»¹.

Все это не такая уж новость. Бердымухамедов продолжил править на деспотический манер, заведенный его предшественником, бывшим лидером коммунистической партии Сапармуратом Ниязовым, когда тот пришел к власти в 2000-х. Соединенным Штатам, само собой, были известны все его методы – до того, как ему было позволено принять власть. Но Туркменистан обеспечивает США важнейший коридор для доступа в Афганистан, а кроме того, это стратегический центр для богатых энергоресурсами территорий вокруг Каспийского моря.

Поэтому, если сообщение поверенного Куррана предназначалось для того, чтобы заставить чиновников дважды подумать, иметь ли дело с этим диктатором, оно не сработало. Хиллари Клинтон оказалась рядом с диктатором через год после того, как была послана делегация, на фотосессии, во время которой, как сообщалось, права человека занимали далеко не первое место в повестке дня. На следующий год американская военная помощь этой диктатуре выросла со 150 тысяч до 2 миллионов долларов². Эта помощь, нужно заметить, направляется на ценную работу по финансированию военных учений, проводимых режимом в регионе. Бердымухамедов был «переизбран» 97 % голосов в 2012 году, а США продолжают поддерживать с этим режимом теплые отношения.

³ Автор глав 1–3 попросил не разглашать его имя. – *Примеч. ред.*

И здесь все это излагается черным по белому. Планировщики и разработчики стратегии в Вашингтоне, округ Колумбия, – лидеры Свободного Мира, как они себя некогда любовно величали, – считают запятнанного кровью диктатора Туркменистана не просто отвратительным, но и полным болваном; и тем не менее его личные недостатки компенсируются всего лишь замечанием, что если он достаточно хорош для поддержания американской войны, то он достаточно хорош для Туркменистана и вполне стоит пары миллионов долларов.

Подобный вид реальной политики рисует США в неприглядном свете, но поддержка этой циничной оси репрессий далеко не первая в списке похожих примеров, каталогизированных в документах, опубликованных «Викиликс». От Восточной и Центральной Азии до Ближнего Востока и Латинской Америки Соединенные Штаты культивировали, финансировали, вооружали и пестовали авторитарные государства в обоих полушариях. Однако, если такое поведение кажется разительно расходящимся с мягко стелющейся, типично американской риторикой администрации Обамы, ясно, что за этой позой стоит нечто большее, чем просто риторика.

В основе послевоенной американской политики лежит доктрина либерального интернационализма. Провозглашенная Вудро Вильсоном и развитая Франклином Д. Рузвельтом и Гарри Труменом, эта доктрина, как правило, понимается как оправдание военных и других интервенций США, при условии, что они способствуют установлению нового мирового порядка: глобальной системы, состоящей из либерально-демократических национальных государств, связанных более или менее свободными рынками и подчиняющимися международному праву. При таком мировоззрении цель по установлению мировой либеральной системы имеет приоритет перед приверженностью государственному суверенитету. Соединенные Штаты рассматривают себя как естественного гаранта такого мирового порядка, а также как главного носителя всех прав по подавлению суверенитета государств при достижении целей либерализма.

Как мы видим из депеш, эта доктрина воспринимается серьезно государственными служащими всех мастей. В противном случае их критические замечания по отношению к недемократическим режимам, nepoтизму и нарушениям прав человека не имеют смысла. Однако одним из аспектов либерального интернационализма является то, что он, как правило, не раскрывается своим приверженцам в явном виде, но становится видимым как в своих истоках, так и в практике.

Как пишет выдающийся историк Доменико Ласурдо, либерализм в этом широком смысле исторически был предметом ряда исключений: люди, принадлежащие к рабочему классу, женщины, чернокожие, подданные колоний – все они на разных этапах были исключены из числа обладающих гражданскими правами, такими как право голоса, предоставленное белым мужчинам, обладающим имущественным цензом³. Логика таких исключений в международной системе видна в колонизаторских истоках международного права, которое изначально ратифицировало поведение государств, обладающих колониями, в то же время оставляя народы этих колоний без гражданства, без прав в возникающей мировой системе⁴.

Право самоопределения в виде гражданства было, таким образом, долгое время резервировано за преимущественно белыми гражданами евро-американских государств – фактор, превратившийся в источник недовольства против колониализма в начале XX века. Когда американская империя поднялась до мирового доминирования, она встретила это положение дел со смесью опаски и симпатии к колониальным державам. Даже несмотря на то, что она со временем выработала стратегический взгляд, согласно которому территориальный контроль больше не является преимуществом, она с недовольством относилась к тому, что важнейшие права расширяются на не белые народы.

Вудро Вильсон, президент Соединенных Штатов с 1912 по 1920 год, был суровым воплощением либерального интернационализма и первым президентом, всерьез столкнувшимся с дилеммой, поставленной перед ним новыми антиколониальными движениями. Являясь побор-

ником американских попыток вмешательства в имперский рэкет, он был свидетелем трудностей, испытанных колониальной политикой США на Филиппинах, в то же время с ужасом наблюдая подъем антиколониальных движений по всему миру. Нарушив предвыборные обещания 1915 года и приведя США к участию в Первой мировой войне, он способствовал первой попытке строительства нового мирового порядка.

Вильсон не отказался от оккупации чужих территорий, когда это было в американских интересах; он не только был сторонником американской оккупации Филиппин, но и сам посылал войска на Гаити (1915), в Никарагуа (1912) и на Кубу (1912), а также для вмешательства в Мексиканскую революцию (1914). Тем не менее размах Великой войны работал как предупреждение против необязательных военных кампаний. Кроме того, среди американских стратегов все больше укреплялась идея, предполагающая, что не так важен контроль над территориями, как контроль над рынками капитала, рабочей силы и ресурсов.

На глобальном рынке, где доминировали США, поддержка национальных правительств в странах, открытых для американских инвестиций, была важнее превращения в колониального сюзерена. Прибыли могли течь на Уолл-стрит без изнурительных затрат на оккупацию. Однако, чтобы добиться такого мирового порядка, Соединенным Штатам необходим был рычаг для взлома колониальных империй. Одним из проявлений этой новой стратегической перспективы было изобретение администрацией Вильсона языка «национального самоопределения». Оно заняло центральное место в мифологии либерального интернационализма, хотя Вильсон сначала позаимствовал этот язык у большевиков и, скорее, похитил их лавры. Само собой, он не намеревался выполнять вытекающие из этого обещания перед антиколониальными движениями, которые он считал неспособными к самоуправлению. Таким образом, хотя американские пропагандисты заручились поддержкой антиколониальных сил в Индии для стран Антанты в Первой мировой войне на основе доктрины Вильсона, последовавшие переговоры в Версале показали, что США выступают против движения за «расовое равноправие», а колонизированным странам было отказано в праве на «самоопределение». Результатом явилось то, что антиколониальные движения стали тяготеть к левым, причем многие смотрели на Россию как модель на успешной модернизации⁵.

Позднее США воспользовались Второй мировой войной, чтобы освободить Британию от ряда ее колониальных владений в обмен на участие в войне на стороне союзников. Тем не менее сразу после этого США отказались от реализации своего огромного стратегического преимущества до конца за счет бывших колониальных держав. Британцам был оставлен стратегический контроль над Южной Азией, а французы сохранили владычество в Индокитае, в то время как обращения о признании от Сукарно в Индонезии и Хо Ши Мина во Вьетнаме были оставлены без внимания. В общем, Соединенные Штаты оказывали только свою молчаливую поддержку антиколониальным расколам – таким, как восстание сторонников Насера в Египте, где был невелик риск конфликта.

Главной озабоченностью американского руководства в течение этого периода было то, что «преждевременная независимость» может привести к новой свободе для народов, пока неспособных управлять собой. С учетом своей неготовности, они могут не согласиться строить либеральные капиталистические государства, интегрированные в возглавляемый США мировой рынок, вместо этого отдав предпочтение политически незрелым «популистским» или радикальным решениям. Они могут даже в некоторых случаях «поддаться коммунистам».

Как в 1966 году писал ведущий американский эксперт по африканской политике Уильям Дж. Фолтц, потребуется не одно поколение, чтобы обучить большинство черных африканцев «навыкам, необходимым для того, чтобы осмысленно и эффективно принимать участие в политике»⁶. Следовательно, если дальнейший период обучения под управлением белых хозяев-колонизаторов невозможен, «теория модернизации» американских государственных бюрократов

тов придерживается той точки зрения, что этим народам потребуется период авторитарного правления под руководством просвещенных военных режимов⁷.

Так, Соединенные Штаты отреагировали на независимость в Конго, организовав приход к власти клептократического режима Мобуту, чтобы не допустить радикализма. Та же политика поддерживала преемственность диктаторов в Южном Вьетнаме, чтобы предотвратить приход к власти Вьетминя, и развязала крайне кровопролитную войну, чтобы защитить диктатуру, являвшуюся союзницей США, в Южной Корее. Эта политика поддержала свержение Сукарно индонезийским генералом Сухарто в ходе переворота, в котором был убит миллион человек, но после которого рынки и ресурсы страны оказались открыты для американских инвесторов.

На Ближнем Востоке Соединенные Штаты перехватили роль британцев, особенно после того, как последние в 1971 году окончательно отказались от своих обязательств «к востоку от Суэца». Члены администрации США и нефтяники уже на этот случай подготовили власть Дома Сауда. ЦРУ способствовало свержению правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, заменив его ненавистным шахом, а позднее сыграло роль в поддержке баасистского переворота в Ираке как части общего наступления против радикального арабского национализма. Израиль – ни диктатура в строгом смысле, ни нормальная демократия – стал главным клиентом США в регионе, особенно после войны 1967 года, в которой он нанес смертельный удар по арабскому национализму. Позднее, когда соглашения в Кэмп-Дэвиде обеспечили мир с Израилем, вторым крупнейшим региональным клиентом стала диктатура в Египте. Все это время, конечно, США поддерживали сеть правых диктаторских режимов на своем «заднем дворе» – в Латинской Америке – с целью подавления левых движений, враждебно настроенных к американскому бизнесу.

Традиционное оправдание времен холодной войны для этого империалистического вмешательства состояло в том, что вокруг – отвратительный жестокий старый мир, и чтобы защитить свободу от тоталитарного зла, приходится мириться с некоторыми неприятными вещами. Возможно, самой красноречивой выразительницей этой идеи была гуру неоконсерваторов Джин Киркпатрик, ставшая при Рейгане послом в ООН. Киркпатрик яростно выступала в защиту правых диктатур в Латинской Америке – на том основании, что рабочие, крестьяне и монахи, которых они вырезали, представляют гораздо худшую форму тоталитаризма, чем авторитаризм.

Кроме того, Киркпатрик выступала в защиту союза США с эскадронами смерти в Сальвадоре, когда писала освященные временем статьи для Американского института предпринимательства о том, что эти организации имеют аутентичные корни среди народа Эквадора, представляя собой организованную самозащиту гражданского общества против коммунизма, и станут намного цивилизованнее, если будут помещены в рамки законной государственной власти⁸.

Однако к этому времени Киркпатрик уже плыла против течения. В эпоху после Вьетнамской войны американские правящие элиты стали артикулировать свои политические цели все больше в терминах прав человека и демократии. Киркпатрик высмеивала администрацию Картера за ее правозащитную риторику, но даже во время рейгановских войн «чужими руками» против коммунизма в Центральной Америке старые боевые колесницы антикоммунизма были тщательно приукрашены и перепроданы как механизмы для прогрессивных, демократических реформ, хотя и выгодных для долгосрочных интересов США.

В результате расцвела система «продвижения демократии», связанная с Международным республиканским институтом (IRI), Национальным фондом за демократию (NED) и рядом организаций, через которые можно распределять финансирование для поддержки проамери-

канских сил гражданского общества в различных странах⁹. Один из чиновников времен Рейгана сформулировал это так:

«Пришедшая администрация Рейгана стремилась перевести стрелки часов вспять, к американской внешней политике довьетнамской эпохи, к старомодному подходу времен холодной войны, при котором Соединенные Штаты мирились бы с необходимостью поддерживать диктаторов с сомнительной репутацией как с неизбежным компонентом глобальной борьбы против советского коммунизма. Администрация Рейгана, однако, довольно быстро обнаружила, что на этой основе невозможно выработать двухпартийную внешнюю политику; озабоченность правами человека и демократией также должна приниматься во внимание в этой политике»¹⁰.

На самом деле эта «озабоченность» была лицемерной. Ничего особенно нового США не делали. Аллен Вайнштейн, основатель и первый действующий президент NED, в 1991 году заметил: его существование означает, что ЦРУ осуществляло свою деятельность тайно на протяжении 25 лет, а теперь может делать это открыто¹¹. Не было это и сигналом о смене приоритетов в политике. В Сальвадоре, например, США были полностью в курсе того, что правящий класс страны участвует в жестокой войне на уничтожение против крестьян и рабочих, имеющих левые убеждения, и склоняется к решению этой проблемы с помощью геноцида, в пользу «зачистки» до полумиллиона человек. В то время как в ЦРУ продолжали тренировать сальвадорские эскадроны смерти, а в страну по-прежнему текли американские деньги, Соединенные Штаты начали подготавливать программы по «продвижению демократии», которые на деле укрепляли силы гражданского общества, близкие к правящей партии АРЕНА¹².

Этот образ действий сохранялся. NED непосредственно участвовал в финансировании групп и отдельных людей, причастных к заговору против избранного президента Гаити, Жана-Бертрана Аристида в 2004 году, а также тех, кто участвовал в попытке переворота против Уго Чавеса в Венесуэле в 2002 году. Короче говоря, хотя на место языка циничной антикоммунистической реальной политики пришла сосредоточенность на правах человека, инструмент «прав человека» по-прежнему применяется против врагов Америки, левых. Египту Соединенные Штаты выделяли в среднем 20 миллионов долларов ежегодно на «помощь демократии» в годы, предшествовавшие свержению Хосни Мубарака, – в то же время поддерживая сам режим на сумму 2 миллиарда в год¹³.

Но преимущества политики «защиты прав человека» были очевидны. Хотя США могли по-прежнему опираться на ряд диктатур, там, где они не доверяли демократиям в проведении проамериканской политики, они одновременно усиливали проамериканский оплот в оппозиции, финансируя и налаживая связи с группировками, которым они доверяли.

Это больше, чем просто лицемерие. Американские элиты, может, и не испытывают большой симпатии к бедным и угнетенным глобального Юга, но диктатуры лишены легитимности и имеют тревожную тенденцию становиться жертвами неожиданного взрыва народного гнева. Поддержка диктатур, несмотря на это, весьма важная для большой стратегии США, влечет за собой и разного рода нежелательные последствия. Соединенные Штаты имеют все основания предпочитать, чтобы диктатуры, которые они поддерживают, обуздывали свои худшие склонности во времена мира. Поэтому существует стратегическая основа для критических замечаний относительно нарушений прав человека, которые американские дипломаты время от времени направляют домой, в свое ведомство, в закрытых депешах.

Публикации «Викиликс» – это не имеющий себе равных источник для изучения того, как отношения американского правительства с диктатурами развивались на практике и как

оно примиряло эту практику со своей нормативной приверженностью либеральному интернационализму.

Ближний Восток: «величайший приз в истории»

В своем стихотворении «1 сентября 1939» У. Х. Оден упоминает «старую чушь», повторяемую диктаторами. Это могло бы быть написано и в 2011 году. В Ливии Муаммар Каддафи, которому угрожало движение гражданского общества, в итоге превратившееся в вооруженный мятеж, обвинил в своем затруднительном положении наркоманов и «Викиликс». Президент Сирии Башар аль-Асад обвинил «международный заговор» в стоящей перед ним дилемме, когда он начал бомбить освобожденные территории. Позднее президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган – избранный лидер, но все более непредсказуемый и авторитарный правитель – обвинил бы пьяниц, пользователей «Твиттера» и террористов.

Но эти люди вряд ли единственные, столкнувшиеся с угрозой потрясений. Потрясения, толчок которым дало самосожжение уличного тунисского торговца Мохаммеда Буазизи 18 декабря 2010 года, начались с народного движения в Тунисе. Буазизи протестовал против конфискации своего товара и рутинных преследований, которым он подвергался со стороны властей. Его жалобы нашли отклик у широкого слоя населения, переживавшего тот же опыт и недовольство и начавшего организовывать постоянные, продолжительные акции протеста. Их масштабы разрастались, приведя в итоге к свержению диктатора страны Зин аль-Абидина Бен Али 14 января 2011 года.

Это вдохновило оппозицию в Египте, постепенно усиливавшуюся на протяжении десятилетия, на то, чтобы поднять народное восстание против диктатора Хосни Мубарака. Начавшись с серии массовых протестов, актов гражданского неповиновения и забастовок 25 января 2011 года, оно выросло в постоянную прямую конфронтацию с режимом – до тех пор, пока 11 февраля Мубарак в конце концов не вынужден был уйти со своего поста.

На этом этапе угроза нависла над всей сетью автократий в регионе, поскольку народное движение рисковало перерасти в восстание в Ливии, Сирии, Бахрейне, в меньшей степени в Йемене, Алжире, Саудовской Аравии и позднее в Турции. Ситуация была еще более серьезной в глобальном масштабе, поскольку большинство этих режимов было союзниками Соединенных Штатов. Если не считать Израиль, опору американской власти в регионе составляли Египет, режимы стран Залива и диктатуры Северной Африки.

Здесь на сцену выступает «Викиликс». Он по праву завоевал большую признательность за помощь в разжигании восстания на Ближнем Востоке. Одно из объяснений состоит в том, что, хотя пространство «гражданского общества» было весьма ограничено, значительное пространство Интернета создало виртуальное пространство, в котором информацию можно распространять, обсуждать и использовать как основу для организации.

Например, как будет показано ниже, депеши, опубликованные «Викиликс», выявили размах коррупции со стороны правящих олигархов в Тунисе и разоблачили бессилие военных в Египте, несмотря на то, что они отрезали себе все большие куски экономического пирога. Кроме того, депеши нанесли смертельное оскорбление Эрдогану, раскрыв, что, по словам американского посла, у него, оказывается, есть по меньшей мере восемь банковских счетов в Швейцарии – намекая тем самым на коррупционные деньги (см. главу 10)¹⁴.

Информация, распространенная через «Викиликс», дала форму и содержание многим предметам давнего народного недовольства. Как отмечает Ибрагим Салех,

«публикации «Викиликс» сыграли важную роль в разжигании народного гнева в регионе и в формировании понимания у мировой аудитории причин того, что стало известно под именем Арабской весны. Разоблачив скрываемые ото всех секреты, двойные стандарты и лицемерие арабских

лидеров, они открывали новые перспективы в арабской политике, а также подтверждали широко распространенные подозрения и тем самым приводили разгневанную общественность в прямую конфронтацию с автократическими правительствами»¹⁵.

Предсказуемое падение Бен Али

В январе 2011 года тунисский диктатор Зин аль-Абидин Бен Али был свергнут. Одним из непосредственных спусковых механизмов движения, приведшего к его падению, было разоблачение, сделанное «Викиликс». В частности, две ключевые депеши (одна написана в июне 2008 года, а вторая – в июле 2009 года) были отправлены послом Робертом Годekom, и в обеих тунисская диктатура Бен Али описывается в убийственных выражениях. В депеше 2008 года говорится о коррупции. Рука, которой управлялся Тунис, была не только железной, но и загнутой:

«Будь то звонкая монета, услуги, земля, имущество, и да, даже собственная яхта, семья президента Бен Али, по слухам, стоит ей только пожелать, и она, получит что хочет... Видимо, половина тунисского бизнес-сообщества была связана с Бен Али благодаря бракам с его родственниками... Учитывая, что тунисцы сталкиваются с растущей инфляцией и высокой безработицей, бросающаяся в глаза демонстрация богатства и постоянные слухи о коррупции только подлили масла в огонь»¹⁶.

С другой стороны, депеша 2009 года была посвящена правам человека. Режим представлял собой «полицейское государство, где почти нет свободы слова или собраний и есть серьезные проблемы с правами человека»¹⁷.

Посол уверен, что государство «столкнется с проблемами». В депеше содержатся жалобы на ограничения режимом различных американских программ и на враждебность официальной прессы по отношению к проамериканским фигурам, представляющим гражданское общество. Но самой большой проблемой являются «риски снижения долгосрочной стабильности режима» из-за его коррумпированности и узкой социальной базы, а также отсутствия явного преемника.

Репрессивная природа режима Бен Али не была новостью для Соединенных Штатов. Он подвергался гонениям все оппозиционные группировки со времени своего прихода к власти в ходе «кровавого переворота» в 1987 году. Но Тунис был региональным союзником и являлся таковым с того момента, как завоевал независимость от власти французских колонизаторов. Тунис оказывал очень важную поддержку в «войне с террором», и в результате он был первоочередным получателем американской военной помощи. Как до сих пор хвастливо говорится в «рекламном проспекте» на сайте посольства США в Тунисе, «Тунис входит в двадцатку крупнейших получателей финансирования по программе Международного военного обучения и образования США с 1994 года; а с 2003 года он стал десятым по финансированию в целом»¹⁸.

Первоочередной задачей Вооруженных сил Туниса не является проецирование военной мощи¹⁹. Скорее регулярная армия существует как последняя линия обороны для защиты гражданами светского, республиканского государства. Однако внутри самой армии были созданы военизированные формирования для непосредственного вмешательства в политические и гражданские дела, чтобы подавлять оппозицию режиму. Военная помощь в этом контексте была помощью режиму.

Более обширный набор депеш Годкома внушает мысль, что США находятся в опасности, будучи связанными с режимом, который катится по наклонной плоскости. И это был не пер-

вый намек, что сотрудники дипломатического корпуса США делали относительно потенциальной уязвимости режима. Еще в 2006 году в депеше посла США Уильяма Хадсона отмечалось, что «все большее число тунисцев» уже говорят о возможном «преемнике и конце эпохи Бен Али»²⁰. Однако при первом всплеске энтузиазма, последовавшем за победой президента Обамы, посол Годек намекает, что Соединенным Штатам необходимо восстановить свой имидж на Ближнем Востоке, и, следовательно, военную помощь режиму следует сократить.

Когда произошла утечка этих депеш, они стали широко известны по всему Тунису и вызвали настоящий переполох. Для тунисцев, прочитавших их, сюрпризом стали не откровения о коррупции, а прямота, с какой США оценивали режим. Стремясь предотвратить утечки, режим действовал панически. В декабре 2010 года он пытался блокировать доступ к веб-сайтам, где публиковались эти депешы, сосредоточившись особенно на популярной прогрессивной бейрутской газете «Аль-Акбар»²¹.

Через какие-то несколько дней после этого вмешательства уличный торговец Мохаммед Буазизи сжег себя в знак протеста грубому и несправедливому обращению, которому он подвергся от рук полиции. Однако жалобы Буазизи не только касались невыносимых злоупотреблений государства, но и говорили о падении уровня жизни, от которого он, как и многие жители Туниса, страдал со времени глобального финансового краха, сопровождавшегося растущими ценами на продовольствие и высокой безработицей. Наконец, коррупция режима выражалась в его все более узкой социальной базе. В то время как постколониальный режим Хабиба Бургиба обладал широкой поддержкой среди всех социальных классов, Бен Али все больше опирался на небольшое число бизнес-семей, связанных с государством²².

Протест Буазизи драматически символизировал страдания населения, а также кумовство, коррупцию и самодовольство элит, разоблаченные в депешах. Это стало искрой, необходимой для аккумуляции инакомыслия и гнева против режима, описанного Годек и Хадсоном, чтобы вылиться в движение массового протеста. В течение последующих недель протестующие часто ссылались на разоблачения, сделанные «Викиликс»²³.

Как ни странно, утечка этих депеш не убедила администрацию Обамы отмежеваться от режима или прекратить поставку ему военной помощи, но они помогли ускорить ожидаемый их авторами переворот. Еще один зигзаг иронии в том, что многие протестующие обратились к Соединенным Штатам, чтобы взять на вооружение их лозунг «Да, мы можем», который скандировали во время массовых акций. И тем не менее Обама не сделал даже бесцветного, вполсилы заявления в поддержку переворота, до тех пор, пока Бен Али благополучно не сбежал в Саудовскую Аравию²⁴. Это была схема, которая в точности повторилась, когда египетская оппозиция приняла эстафету у Туниса, бросив вызов режиму Мубарака.

Крах в Каире

В 2009 году в депеше из американского посольства в Каире сообщалось о разговоре с одной из лидирующих фигур в руководстве режима. Речь шла о предстоящих парламентских и президентских выборах, а также об отношении режима к оппозиции. Происходили «широкие волнения», но диктатура считала маловероятной перспективу вызова со стороны народа – и, разумеется, «широкомасштабных политически мотивированных волнений», поскольку это чуждо «менталитету египтян». «Угроза ежедневному выживанию, а не политика, – далее говорится в отчете, – это единственное, что может сплотить и вывести египтян на улицы»²⁵. По мнению действующего режима, оппозиционные партии были слишком слабы, чтобы бросить вызов власти, не говоря уж о том, чтобы взять на себя руководство страной, а единственная жизнеспособная альтернатива, «Братья-мусульмане», никакой серьезной роли не играла. Следовательно, «здоровый смысл» подсказывал режиму, что единственный путь, которым к правлению

мог прийти преемник пожизненного диктатора Хосни Мубарака, лежал через упорядоченную передачу власти, организованную египетскими военными, что, скорее всего, способствовало бы вступлению в эту роль сына президента Гамалы²⁶.

На чем было основано столь сонное благодущие? Американские депеши рисуют военную элиту, находящуюся в состоянии «интеллектуального и социального упадка», все больше теряющую свою социальную базу, и все же по-прежнему жизненно важную для стабильности режима и контролирующую «обширную сеть коммерческих предприятий в «водоснабжении, производстве оливкового масла, цемента, строительстве, гостиничном и бензиновом бизнесе»²⁷. С другой стороны, режим продемонстрировал значительную устойчивость власти, отчасти благодаря жестокости по отношению к врагам или даже к умеренным критикам.

В депеше, отправленной послом Маргарет Скоби, обращается внимание на суровую жестокость Мубарака по отношению «к лицам и группировкам».

Но это, как, по-видимому, считает посол, огромное достоинство, поскольку помогло сохранить внутреннюю стабильность во время двух крупных региональных войн; далее посол отмечает диктатора как «опытного и истинного реалиста», который предпочитает причинить страдание относительно немногим, вместо того чтобы «подвергнуть угрозе хаоса общество в целом»²⁸. В той же депеше определяются выигрыши долгосрочной поддержки Америкой режима Мубарака:

«Ощутимые выгоды для наших отношений в военной области очевидны: Египет по-прежнему находится в мире с Израилем, а американская армия пользуется приоритетным доступом к Суэцкому каналу и воздушному пространству Египта».

Эти сообщения из Каира источали уверенность в диктаторе и благодарность за его услуги империи. Пощечина не заставила себя долго ждать. Документы «Викиликс», касающиеся Египта, были опубликованы 28 ноября 2010 года – как часть хранящихся в закрытых архивах секретных дипломатических депеш, утечка которых предположительно была организована бывшим рядовым армии США Брэдли (в настоящее время Челси) Мэннингом. Они были опубликованы вместе с разоблачениями по поводу Туниса, приведшими к падению Бен Али.

Депеши, опубликованные «Викиликс», имели сложную последовательность эффектов внутри Египта, вызванных не столько разоблачениями самими по себе, сколько процессами, которые они уже помогли запустить. Доказательства жестокости режима вряд ли были новостью, а некоторые из потенциально взрывоопасных разоблачений (например, что Израиль в качестве преемника Мубарака предпочитает бывшего главу шпионского ведомства Омара Сулеймана) так и не были переведены в Египте. Оппозиция особенно и не полагалась на Интернет и социальные сети, через которые можно было бы обмениваться этой информацией, – гораздо важнее были разговоры по телефону и личные контакты²⁹. Тем не менее эти публикации помогли запустить восстание в Тунисе, которое придало уверенность демократической оппозиции. Кроме того, они подтверждали и документально доказывали аналитические выводы противников Мубарака и повысили осведомленность на международном уровне, так что когда протестующие в Египте вышли на улицы, такие группы, как Anonymous, были готовы предложить свою помощь³⁰.

Даже если «Викиликс» и сыграл более непосредственную роль в подстрекательстве к революции в Египте, пример Туниса не нашел бы такого отклика, если бы не наличие сходных условий. Бедность и отсутствие гарантий занятости существовали и до глобального экономического кризиса, но к концу 2010 года 40 % египтян жили менее чем на 2 доллара в день³¹. Сходство с Тунисом было также в узости социальной базы и коррумпированности режима. Правда, в Египте, как показывают депеши, военных обвиняли в коррупции напрямую. Мубарак сосредоточил огромную власть и оказывал свое покровительство Министерству внутренних дел, а также аккумулировал до 70 миллиардов долларов для своей семьи³². Наконец, как

засвидетельствовано в посольской депеше Скоби, существовали сотни отчетов из первых рук о жестокостях полиции, многие из которых были запечатлены на видеозаписях. Все это вызывало недовольство, которое, побуждаемое восстанием в Тунисе, вдохнуло жизнь в поддержку движения, начавшегося 25 июля 2011 года.

Первоначально оппозиционные группы, такие как «Молодежное движение 6 апреля», планировали провести акцию протеста у Министерства внутренних дел, совпадавшую с Днем национальной полиции, как способ выразить протест против жестокости стражей порядка. Однако в свете свержения Бен Али протесты приобрели гораздо более широкое значение и получили поддержку широкой коалиции организаций, в частности «Братьев-мусульман», а также звезд, таких как актер Амр Вакед. Во время этих событий протесты привлекли десятки тысяч участников, в том числе 20 тысяч в Александрии и 15 тысяч в Каире, на площади Тахрир. Жесткая реакция властей, отнюдь не заставившая толпы разойтись, вызывала волнения на протяжении нескольких дней и растущие протесты, так что к пятнице 28 января режим решил ввести в дело армию и проводил постоянные совещания с американским военным руководством³³.

Это создало огромные неудобства для американской империи. Вице-президент Джо Байден, в то время как протестующие в Египте превращали площадь Тахрир в разрастающуюся мини-столицу, заявил по телевидению, что президент Мубарак не диктатор и не должен уходить, являясь на самом деле «нашим союзником»; тем самым он недипломатично, вслух выразил отношение властей США к режиму, который они финансируют³⁴. Бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр изложил суть дела так же прямо, предупредив, что свержение Мубарака создаст вакуум, в котором будет процветать «экстремизм». Египетские элиты «потеряли связь с мнением общественности», но у них нет «предвзятости», в то время как общественное мнение находится во власти «неверной идеи и одностороннего мышления»³⁵.

Мубарак, как настаивали британская и американская администрации, должен остаться у власти, но обязан провести достаточные реформы, чтобы успокоить толпу. Когда президент Обама послал в Египет бизнесмена и бывшего дипломата Фрэнка Дж. Визнера для переговоров по урегулированию вопросов, вызвавших массовые беспорядки, тот дал понять, что Мубарак – «старый друг» Соединенных Штатов, доказывая, что реформы должны быть проведены, но что он «должен оставаться на посту, чтобы руководить проведением этих реформ»³⁶.

Что это за «одностороннее мышление», которого испугался Блэр? Что такого ценного предлагал Мубарак Байдену и Визнеру? Одним из аспектов было согласие на договоренность с Израилем, заключенную во время переговоров в Кэмп-Дэвиде в 1978 году, после которых египетская диктатура была надежным и важнейшим союзником израильского правительства против палестинцев. Несомненно, Соединенные Штаты тревожило, что народное правительство Египта займет более критическую позицию по отношению к Израилю, ослабит блокаду Газы и даже будет предоставлять материальную помощь палестинцам. Другим предметом заботы Вашингтона и Лондона были открытие египетских рынков для зарубежных инвестиций, дерегулирование экономики и приватизация промышленности. Тут рыночный настрой «Братьев-мусульман» мог бы их успокоить, но демократическими процессами управлять трудно – особенно если общественностью овладевают «неправильные идеи и одностороннее мышление».

Однако более дальновидные люди в американском государстве готовились ко дню, когда диктатура перестанет быть лучшим средством для достижения этих целей. Американские организации, такие как NED, не совсем забыли о том, как развивалась египетская оппозиция – сначала как реакция на вторую палестинскую интифаду 2002 года³⁷, а затем как оппозиция второй войне в Ираке. Эти организации проявляли интерес к возникновению рабочего дви-

жения, независимого от контролируемых государством профсоюзов, центром которых стала текстильная промышленность³⁸. Действительно, депеши «Викиликс» показывают, что NED и аффилированные с ним организации сыграли ключевую роль в координации избранных групп активистов³⁹.

Эти события были связаны с агрессивным военным наступлением президента Буша на Ближний Восток. Важной дополняющей стратегией к проецированию военной мощи была так называемая «Повестка Свободы», по которой фонды для «продвижения демократии» привязывались к расширению свободной торговли. Диктатуры были полезными союзниками в проведении энергичной политики «контртерроризма», а также партнерами в реализации свободной торговли; но в государственной американской бюрократии были и те, кто чувствовал, что они, в конечном счете, ненадежные союзники⁴⁰. Деньги распределялись через NED и IRI в федерацию профсоюзов США АФТ-КПП (Американскую федерацию труда и Конгресс производственных профсоюзов), чей Центр солидарности играл ключевую роль в проведении антикоммунистической линии во времена холодной войны. Через Центр солидарности Соединенные Штаты стремились создать связи с рабочими Египта⁴¹.

Кроме того, как показывают депеши «Викиликс», Соединенные Штаты предпринимали шаги, чтобы связать себя с разрастающимся «Молодежным движением 6 апреля», тем самым создав напряженность в отношениях с Мубараком⁴². Предлагаемая помощь была далеко не решающей. Например, финансируемые США семинары предлагали обучение по использованию сайтов социальных сетей и мобильных технологий для продвижения демократических реформ, а также консультации по ненасильственным стратегиям для проведения социальных реформ⁴³.

Мелкой разменной монеты, которую США бросили в шляпу египетской оппозиции, было недостаточно для того, чтобы гарантировать влияние. Когда госсекретарь Хиллари Клинтон посетила Египет в марте 2011 года, она была освистана коалицией молодежных организаций, которые отказались встретиться с ней на том совершенно законном основании, что Соединенные Штаты поддерживают режим Мубарака⁴⁴. Один из бывших советников Обамы Энн-Мари Слотер привела этот отпор в качестве ключевой прагматической причины, почему США должны находиться на стороне египетской молодежи с ее стремлениями, а не на стороне дряхлых диктаторов, ведь молодежь составляет до 60 % населения Ближнего Востока⁴⁵.

Однако на практике это означало ряд шагов репрессивной политики, например, продолжение помощи режиму Йемена в подавлении местной оппозиции. Депеши от 2010 года показывают, что Соединенные Штаты сотрудничали с йеменским правителем Али Абдуллой Салехом в организации воздушных ударов по целям на территории Йемена, которые считались базами «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове. Салех предложил Соединенным Штатам «открытую дверь», как показывают депеши, в то время как он же и его подчиненные шутили на встречах с генералом Дэвидом Петреусом по поводу того, что тот лгал публике, заявляя, что эти воздушные удары были исключительно работой правительства Йемена. В реальности народная оппозиция режиму Салеха, которую он называл «террористической», была широкой и многоликой и частично опиралась на сопротивление племен централизованному характеру его правления, в то время как американские воздушные удары причиняли ущерб, выходящий далеко за рамки их цели – «Аль-Каиды». А по мере того как борьба йеменцев против режима усиливалась, усиливались и удары с беспилотников. Например, только в июне 2011 года в результате резкого нарастания частоты авиаударов в провинции Абиан было убито 130 человек и 40 тысяч стали беженцами⁴⁶.

Среди других репрессивных ответов Вашингтона на Арабскую весну была поддержка, которую он оказал вторжению Саудовской Аравии в Бахрейн для подавления демократиче-

ской оппозиции. Хотя в публичных заявлениях Хиллари Клинтон и Барак Обама призывали к «сдержанности», когда правящая монархия Бахрейна развязала кровопролитие, личная переписка говорит о том, что они были больше озабочены стабильностью, чем демократией. Более того, министр обороны Роберт Гейтс бросился на защиту этого режима, заявив, что тот серьезно настроен на демократические реформы, но должен беспокоиться о возможности, которую имеет Иран, чтобы вызвать беспорядки, воспользовавшись протестами⁴⁷. Несмотря на обещания демократических реформ, после саудовского вмешательства для защиты режима, как показывают свидетельства, добытые «Викиликс», США продолжают оказывать помощь силам его безопасности⁴⁸.

Но, пожалуй, наиболее вопиющим с точки зрения показных демократических принципов Америки был поддержанный американским правительством в 2013 году военный переворот против избранного правительства «Братьев-мусульман» в Египте – переворот, который привел к нескольким массовым кровопролитиям⁴⁹. Это неизбежно открыло период свирепой авторитарной диктатуры⁵⁰ и смело завоевания Арабской весны. А значит, любой шаг, который США могли бы сделать, чтобы поддержать демократию на Ближнем Востоке, будет крайне ограниченным.

Несмотря на широкую пропаганду американских идеалов и гордость за эпоху после окончания холодной войны, когда принято было считать, что все дороги ведут к свободе, деспотизм – слишком ценная вещь, чтобы от него отказываться. И здесь необходимо рассказать кое-что о давних связях Соединенных Штатов с диктатурами данного региона.

Американская империя и ликтаторы Ближнего Востока

Великое вступление Америки в статус глобального гегемона произошло в результате решающего удара, нанесенного колониальным державам Европы Второй мировой войной. После 1945 года Британия и Франция по-прежнему сохраняли большинство своих владений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, но, одно за другим, антиколониальные движения, которые были на подъеме с 1920-х годов, начали освобождаться от своих хозяев. В 1952 году пробританский монарх в Египте был свергнут Насером и Движением свободных офицеров. В 1954–1962 годах Алжир поднял восстание против Франции. В 1956 году Франция отказалась от контроля над Марокко и Тунисом. В 1958 году пробританский король Ирака был свергнут Кассемом, еще одним военным лидером-модернизатором. В случае с Палестиной освобождение было отложено появлением нового колониального хозяина в виде государства Израиль. Постепенно, однако, хватка колонизаторов в регионе разжималась. Эти события были особенно важными для США, поскольку Ближний Восток, как оказалось после череды открытий в межвоенный период, имеет огромные запасы дешевой и доступной нефти. В документе Государственного департамента от 1945 года Саудовская Аравия, страна, в сущности, сконструированная путем решительного вмешательства Британской империи, американских политиков и нефтяных компаний, признавалась «колоссальным источником стратегической силы и одним из величайших материальных призов в мировой истории»⁵¹.

Первоначально позицией американской стратегии было позволять империям распадаться с собственной скоростью, тем самым оставляя на них ответственность за применение военной силы и поддержание политического порядка, в то же время поощряя новые независимые общества к принятию стратегии развития, направленной на замещение импорта, при которой страны будут пытаться преодолеть свою зависимость от зарубежного импорта, развивая собственную промышленную базу. Поскольку американский капитал имел возможность инвестировать, Соединенные Штаты могли получать доступ на эти рынки другими способами, а не через политику «открытых дверей», которая была общепринятой с конца XIX столетия⁵².

В развивающейся глобальной финансовой инфраструктуре, основа которой была заложена в Бреттон-Вудсе, государства поощрялись к развитию рынков, которые могли бы быть инкорпорированы в мировую систему, где доминировали Соединенные Штаты.

По мере того как все больше государств завоевывали независимость, США постепенно брали на себя все больше ответственности за использование военной силы. Например, крупным активом для них было создание Багдадского пакта – организации в рамках договора, связывающей ряд режимов с Великобританией в стратегическом военном альянсе. Соединенные Штаты не участвовали в нем непосредственно, но оказали давление, чтобы он состоялся, а также предложили финансирование. Однако растущая волна арабского национализма представляла угрозу альянсу. Основной предпосылкой арабского национализма было то, что границы стран на Ближнем Востоке были искусственным порождением колониализма, и им на смену должно было прийти государство, объединяющее всех арабов и независимое от колониальных держав, Соединенных Штатов и СССР. Материальные ресурсы региона были поставлены на службу его собственному развитию, а не подчинены интересам международных инвесторов. Такого рода безумное мышление – это как раз то, к чему вел Мосадцык, избранный премьер-министр Ирана, пытаясь национализировать нефтяную промышленность, и что привело к совместной акции ЦРУ и МИ-6 по его свержению и замене шахом Мохаммедом Реза Пехлеви.

То же произошло и когда правительство Насера в Египте национализировало Суэцкий канал, а альянс Израиля, Франции и Британии вторгся в страну, чтобы его свергнуть. Но правительство США, как бы оно ни тревожилось об арабском национализме, считало, что это было катастрофическим просчетом, который мог заставить арабские страны ринуться в орбиту СССР. Более того, легитимность правительства США в мировой системе пострадала бы, если бы Соединенные Штаты были замечены в поддержке такого же рода агрессии, как та, что Советский Союз только что осуществил в Венгрии.

Однако на следующий год иракская монархия была свергнута Абд аль-Карим Касимом и «Свободными офицерами». Вскоре стало ясно, что новое правительство планирует выйти из Багдадского пакта, послав сейсмические волны по всему региону. Президент Ливана Камиль Шамун, который поддерживал Багдадский пакт, считался находящимся в особенно уязвимом положении. Поэтому американские войска в 1958 году прибыли в Ливан для охраны режима от внутренней оппозиции, а также от угрозы со стороны Египта и Сирии, в ходе первого применения «доктрины Эйзенхауэра», согласно которой американские войска будут защищать режимы, когда считается, что они уязвимы перед «международным коммунизмом»⁵³.

Действительно, призрак радикального арабского национализма – объединенного с «международным коммунизмом» – привел к тому, что США стали склоняться в пользу старых автократий. Поэтому США спокойно отреагировали на свержение короля Фарука в Египте Насером и движением «Свободных офицеров» и в то же время поддержали короля Хуссейна в Иордании при введении им военного положения в 1957 году, – лучший способ остановить союз правительства с Египтом, а если смотреть шире, его сдвиг в сторону лояльности к СССР и Китаю. США поддерживали и короля Идриса в Ливии против оппозиции до его свержения полковником Каддафи и «Свободными офицерами» Королевской армии Ливии в 1969 году.

Уход Британского военно-морского флота из региона Залива в 1971 году в рамках отказа Британии от своих обязательств «к востоку от Суэца» поставил США перед необходимостью заполнить образовавшуюся брешь. В разгар войны во Вьетнаме, когда военные расходы обескровили Министерство финансов США досуха, это было нежелательным развитием событий. Тем не менее Соединенные Штаты развернули свои ближневосточные силы и заменили патронаж с помощью фунтов стерлингов на долларовую дипломатию. К этому моменту существовала уже сеть диктаторов на местах, которые были в союзе с Соединенными Штатами, а Израиль нанес решающий удар по силам арабского национализма в Шестидневной войне, став таким

образом основным клиентом США в регионе вместе с Саудовской Аравией и шахом Ирана. Эти режимы вместе помогли загнать в бутылку арабский национализм, в то время как их зависимость от Соединенных Штатов в военном отношении заперла их в международных рамках, благоприятных для американских инвесторов. Решающие военные поражения, нанесенные Египту, вместе с нарастающим экономическим кризисом привели египетское руководство к переориентации своего режима на Соединенные Штаты, дав начало отношениям, освященным соглашениями 1978 года в Кэмп-Дэвиде.

Американская экономическая помощь и займы МВФ были использованы как рычаги, чтобы завоевать поддержку в пользу открытия экономики для глобальных рынков, вытесняющих импортозамещающую модель промышленного развития. Таким образом, эти страны стали зависимыми от импорта, а повторяющиеся платежные кризисы только углубляли их зависимость от займов, организуемых МВФ, и, следовательно, от принятия ими связанных с этим условий, включая весь пакет неолиберальных реформ под именем «структурной перестройки».

Способность таких режимов, как режим Мубарака в Египте, а позднее режим Бена Али в Тунисе, реализовывать эти программы, в то же время не давая разразиться социальным потрясениям, к которым они приводят, была, несомненно, главным фактором их пригодности для Вашингтона. Развал СССР и конец соперничества эпохи холодной войны также закрыл пространство для других режимов в проведении иного курса национального развития.

Соединенные Штаты твердо поддерживали диктатуру Саддама Хусейна в Ираке при его вторжении в Иран после свержения шаха и способствовали его жестокой войне против курдов. Но этот режим по-прежнему отчасти основывался на арабском национализме и сильном вмешательстве государства в экономику, а смягчение враждебности с Ираном означало, что пользе Ирака приходит конец. Его вторжение в Кувейт в 1991 году, которое явилось отчасти попыткой разрешить растущий иракский долговой кризис, продемонстрировало ненадежность режима. Напротив, верные Америке диктатуры, возглавляемые Саудовской Аравией и Египтом, с надеждой смотрели на американское вмешательство – и были вознаграждены за свою поддержку последующих американских войн крупным списанием долгов.

Сильные государства, сильные рынки

Война в Заливе 1991 года явилась поворотным моментом в развитии политики США. Больше не будет никакой терпимости к остаткам арабского национализма или к связанной с ним государственной экономической политике. Вскоре после короткой войны Ирак был загнан в клетку и обескровлен режимом санкций, разрешенных ООН. «Новый мировой порядок», как назвал его Джордж Буш-старший, это такой порядок, в котором главные мировые битвы – больше не битвы идеологий холодной войны, а скорее новая борьба по включению «третьего мира» в глобальные рынки и ликвидация источников нестабильности, таких как «исламский терроризм» или наркоторговля.

В то же время были расширены такие международные экономические организации, как G7, и открыты огромные рынки России⁵⁴. На Ближнем Востоке торговые соглашения укрепляли политические союзы, например, когда Соединенные Штаты призывали к развитию так называемых Особых промышленных зон в Иордании и Египте, продукция из которых имела бы свободный доступ на рынки США, при условии, что часть инвестиций будет поступать из Израиля⁵⁵.

Война администрации Буша-младшего 2003 года в Ираке подавалась, среди прочего, как смертельный удар по диктатурам в регионе. «Свободное рыночное государство», построенное на пепелище баасистского режима, должно было связываться с широкой свободной торговлей в регионе через ближневосточную зону. Открывая свои рынки, Ближний Восток мог бы пользоваться преимуществами глобализации, в то же время искоренение бедности погасило бы

очаги терроризма и других региональных проблем⁵⁶. При таком сильном росте установился бы социальный мир, и правительства могли бы ослабить применение репрессий и свернуть свою чрезмерно централизованную бюрократию.

Это представление было таким же миражом, как печально известное оружие массового уничтожения: для сильных рынков, как опыт должен был научить американских стратегов, требуются сильные государства. Тем не менее администрация вкладывала сотни миллионов долларов в аппарат «продвижения демократии», который связывал либерализацию государства с либерализацией экономики. Даже когда американское правительство культивировало имеющиеся для него ценности отношения с диктаторами в регионе, оно делало осторожные усилия по обеспечению себе позиции в гражданских обществах, которые однажды могут бросить вызов этому деспотизму, и ориентировало их на поддержку рынка. Такова была основа, на которой администрация Обамы попыталась дать ответ на Арабскую весну.

В речи президента Обамы в Организации Объединенных Наций в мае 2011 года подчеркивалось, что США будут мобилизовать средства для арабских государств, чтобы помочь им в политических и экономических реформах в соответствии с этим курсом⁵⁷. В известной речи британского премьер-министра Дэвида Кэмерона перед Национальным собранием Кувейта в феврале того же года также упоминалась эта связь «политических и экономических реформ»⁵⁸.

Говорили и деньги. Институт международных финансов, представляющий ведущие международные финансовые организации, в мае 2011 года заявил, что приоритетом режимов в Египте после Мубарака и в Тунисе после Бен Али должно быть «углубление и ускорение структурных экономических реформ... содействующих предпринимательству, инвестициям и росту на основе рыночных механизмов»⁵⁹. Таким образом, в сотрудничестве с союзными правительствами и международными финансовыми институтами Соединенные Штаты разработали Довильское партнерство с арабскими странами, переживающими переходный период, старт которому был дан на саммите G8 в мае 2011 года. Посредством партнерства входящим в него правительствам арабских стран предлагались пакеты займов, при условии, что они согласятся на приватизацию, сокращение субсидий, замораживание зарплат в государственном секторе и отмену государственного контроля и регулирования⁶⁰.

Этот пакет был реализован в ряде стран, от Туниса и Египта до Йемена и Ливии. В Тунисе, например, где установилась прочная парламентская демократия, образовавшееся в результате правительство, возглавляемое умеренной исламистской партией Возрождения, реализовывало Довильскую повестку, невзирая на значительное институциональное сопротивление в стране – даже ценой потери опоры в народе и допуска к власти партии бывшего режима⁶¹.

В Египте «Братья-мусульмане», связанные с Партией свободы и справедливости, которые выиграли парламентские выборы 2011 года, также попытались реализовать программу и получить доступ к связанным с ней кредитам. Это вызвало в стране ожесточенные споры, поскольку возглавляемое военными правительство, которое пришло к власти сразу после падения Мубарака, отказалось от пакета на том основании, что связанные с ним условия представляли собой ущемление суверенитета Египта. Более того, «Братья-мусульмане», казалось, были критически настроены к подобным мерам до своего прихода к власти. До того как Мохаммед Мурси выиграл в 2011 году президентские выборы, они критиковали бюджет временного правительства, который диктовал сокращения. После прихода к власти, однако, они сохранили на постах чиновников, поддерживавших этот бюджет, и попытались провести те же самые реформы, урезав субсидии на топливо и другие ресурсы, несмотря на волну забастовок и протестов⁶².

В конечном счете эти протесты слились с разрастающимся восстанием против авторитаризма новой системы, которая продолжала натравливать на протестующих вооруженные силы, создавая светскую реакцию против исламистов и более широкую реакцию в поддержку военных. Таков был контекст, в котором египетская армия начала свой переворот, приведя к власти

генерала Абделя Фаттаха аль-Сиси и дав начало разгулу организованных убийств и судебных расправ над активистами⁶³.

Правительство аль-Сиси в Вашингтоне приветствовали и дали некоторые послабления испытывавшим трудности финансовым институтам. Это правительство начало реализовывать многие из мер, на которых настаивал МВФ, включая резкое сокращение субсидий на топливо, что стало причиной того, что цены на бензин и природный газ выросли на 70 %. В статье, озаглавленной «МВФ втирается в доверие к Египту на фоне экономических реформ», «Уолл-стрит Джорнел» сообщал, что пакет реформ «был крупным политическим риском, поскольку серьезно увеличил стоимость жизни для бедных». Тем не менее, при ряде массовых убийств за плечами у режима, «эти изменения вступили в силу, не вызывая серьезных беспорядков»⁶⁴.

Американская империя пообещала Ближнему Востоку «новое партнерство», используя в качестве приманки давнишний жаргон про универсальные права, связанные со свободными рынками. Возможно, с определенной точки зрения это укрепило бы его международную легитимность, если бы она предпочла поддерживать процессы демократизации. Но экономические реформы, к которым она стремилась (открыть отрасли инфраструктуры международным инвесторам, одновременно покушаясь на уровень жизни бедных), оказались фундаментально несовместимыми с народовластием. Диктатуры элит «без предрассудков» остались незаменимыми.

Латинская Америка: три фазы империи

Среди массы материалов, опубликованных «Викиликс» с 2010 года, есть ряд документов, дающих ошеломляющее представление о внешней политике США в Латинской Америке. От Гондураса до Венесуэлы, Гаити и Эквадора Соединенные Штаты, кажется, имели врожденную предрасположенность к диктаторам – и отвращение к демократическим правительствам – на собственном «заднем дворе». Документы, как в целом, так подчас и по отдельности, освещают стратегическое обоснование таких предпочтений.

Тем не менее, по крайней мере в Латинской Америке, поддержка Соединенными Штатами диктатур далеко не так распространена, как это было в предыдущих фазах империи. Там, где диктаторы некогда были оплотом региональной стабильности, теперь они являются главным образом средством кризисного управления. Для американской стратегии в регионе они исключение, а не правило. Это так отчасти потому, что старые олигархии, на которые США имели привычку опираться как на союзников, трансформировались или отстранены благодаря либеральной модернизации. Этот переход заслуживает некоторого внимания.

То, как Соединенные Штаты поддерживали диктатуры, живо иллюстрируют депеши «Викиликс», в особенности относящиеся к трем странам: Гаити, Чили и Гондурасу. Они помогают понять исторический контекст, которым мотивировалось изменение американской стратегии.

История американской империи и ее отношение к диктатурам Латинской Америки распадается на три обширных фазы соответствующего имперского периода. О первом сигнализировала доктрина Монро, в соответствии с которой Соединенные Штаты претендовали на стратегическое превосходство перед колониальными соперниками в Южной Америке, – период, достигший своего апогея на колониальном рубеже 1898 года, когда США впервые заявили претензию на официальные колонии в своей борьбе с Испанией. Соединенные Штаты все еще шли в гору как экономическая держава и на протяжении большей части этого периода все еще расширяли свои территориальные притязания в Северной Америке. К 1890-м годам они подавили сопротивление коренных американцев, завершили завоевание фронта и принялись с воодушевлением обращать свой взор вовне, на новые территории, одновременно наращивая серьезный военно-морской потенциал. В этот период американская морская пехота была

главной силой, применяемой для навязывания политической воли таким странам, как Куба, Гаити и Никарагуа. Получив управление, США развили органы национальной безопасности для защиты дружественных клиентских режимов. Это эффективно работало до появления доктрины «добрососедства», основные принципы которой сформулировал президент Франклин Рузвельт: согласно ей, Соединенные Штаты отрекаются от военного вмешательства в латиноамериканские государства.

Новую фазу начала холодная война, в которой Соединенные Штаты стремились поощрять режимы к развитию промышленной базы и процветающего среднего класса, способного поддерживать стабильную политическую власть, не создавая благоприятных возможностей для левых движений. Это было связано с образованием ряда глобальных институтов, известных под собирательным названием Бреттон-Вудс, по месту проведения конференции, на которой им был дан старт. Они включали глобальную финансовую систему, в которой валюты были привязаны к золотому стандарту, и такие организации, как Международный валютный фонд, учрежденный с целью способствовать развитию мировой торговли. Преобладающей ортодоксией было то, что национальные государства могут активно вмешиваться в дела экономики, чтобы поддерживать и развивать промышленные отрасли. В этот период Соединенные Штаты часто вмешивались в дела Латинской Америки, но не столько путем применения традиционных военных средств, сколько с помощью скоординированного ЦРУ тайного вмешательства с целью укрепления аппаратов национальной безопасности дружественных правительств и саботажа против правительств и движений, угрожающих интересам США.

О начале третьей фазы сигнализировал развал Бреттон-Вудской системы на фоне глобального экономического кризиса и адаптации Америки к поражению во Вьетнаме, а также ряд связанных с этим кризисов в ее управлении. Результатом, после затяжного и болезненного процесса реорганизации, была форма правления, основанная на либерализации рынков, контроле за движением капитала, а также регулировании финансов и труда.

Вместо того чтобы поощрять скоординированное с государствами развитие промышленности, МВФ проводил «структурную перестройку», используя долги как механизм для инкорпорации латиноамериканских государств в глобальную экономику. Зависимость от рынков приводит в действие свои дисциплинирующие механизмы, когда недружественная политика «наказывается» бегством капиталов или исключением из глобальных организаций. Сюда входила и реорганизация национальных элит, сокращающая власть олигархий, проводящих политику протекционизма, и – когда левые движения были сметены торнадо организованного ЦРУ насилия – поощрение их к управлению через институты парламентаризма. С некоторыми выдающимися исключениями, такими как «План Колумбия» и переворот в Венесуэле, Соединенные Штаты в основном смогли отойти от военных и полувоенных вмешательств и позволили говорить рынкам.

Фаза I. Доктрина Монро

Латиноамериканский континент и острова Карибского бассейна уже давно считаются «задним двором» Америки – разговорное обозначение доктрины, изложенной американским президентом Генри Монро в 1823 году, которая гласила, что любое вмешательство европейского государства на этих территориях будет расцениваться Соединенными Штатами как «недружественный шаг».

Возможно, это было самонадеянно, если принять во внимание, что США для обеспечения проведения своей доктрины на данном этапе не хватало военно-морского потенциала. Но это выражало собственническое отношение к Южной Америке, которое должно было определять американскую политику. Так же как на запад, Соединенные Штаты надеялись расширяться и на юг – для этого они должны были разжечь хватку европейских колониальных

империй. В то же время американский капитал проникал на рынки Кубы, Бразилии, Никарагуа и далее. И к 1890 году, когда территориальная экспансия в западном направлении почти завершилась, он начал создавать гораздо более крупные военно-морские силы для завоеваний. Победоносная война с Испанской империей в 1898 году принесла контроль над Кубой и открыла период бешеной военной активности, бряцания оружием, вторжений и оккупаций в Гондурасе, Кубе и Никарагуа. Тем самым «задний двор» в начальной стадии был обеспечен⁶⁵.

Администрация Вудро Вильсона на протяжении двух сроков, с 1912 по 1920 год, была самой воинственной в утверждении «права» военного вмешательства США в Латинской Америке, оккупировав и Никарагуа, и Гаити. Гаити всегда беспокоила Соединенные Штаты. Ее революционная победа над колониальной Францией в 1804 году испугала рабовладельцев, которых ужасало то, что пример свободных чернокожих людей разожжет борьбу на юге и сломает хребет американской расовой системе. Вашингтон отказался признать независимость страны и даже рассматривал вопрос об аннексии острова. Подобно многим другим в этом полушарии, Гаити в основном представляла интерес для Соединенных Штатов как потенциальное имущество. Они неоднократно угрожали Гаити, посылая свой военно-морской флот для «защиты жизни и имущества американцев», в то время как местные жители могли только трепетать от ужаса перед победой экспансионистского рабовладельческого монстра с севера. Но именно с оккупацией 1915 года произошло решительное вмешательство США в управление, политику и экономику Гаити. Это было всего лишь одним из многих проявлений силы в регионе, предпринятых Вудро Вильсоном, избранным в 1912 году демократом-реформатором. В том же 1912 году он уже оккупировал Никарагуа и начал захватническую кампанию во время Мексиканской революции. Позднее, в нарушение своих обещаний, данных во время перевыборов, он приведет США к участию в нагромождении трупов Первой мировой войны. Вильсон действовал в контексте растущей мощи США, уже проявившей себя успехом в Американо-испанской войне и приобретением официальных колоний в Центральной Америке и на Филиппинах – предприятиями, которые он горячо поддерживал. Войска США посылались в Панаму и Гондурас, а Куба оккупировалась неоднократно с тех пор, как была отвоевана у Испании в 1898 году. Южный патриций и сторонник превосходства белой расы, Вильсон был убежденным приверженцем сегрегации и предназначения Америки как мировой империи, которая, как он был убежден, должна взять свою долю того, что Киплинг называл «бремя белого человека».

Непосредственной целью интервенции 1915 года на Гаити было стремление положить конец народной революции, которая низложила и казнила проамериканского диктатора Гийома Сана Жана Вильбрена. Оправданием этой миссии служило то, что порядок должен быть восстановлен, чтобы ситуация не дестабилизировала мировую систему. Возможно, это и было проблемой, хотя существовали и другие. Под угрозу попали бы американские инвестиции, если бы революция начала экспроприировать имущество собственников. Но более широкая картина показывает, что Соединенные Штаты сталкивались с растущей конкуренцией европейских держав за влияние на остров, а американской политикой со времени провозглашения доктрины Монро в 1823 году было отношение к Карибским островам как к своему имуществу, которое необходимо защищать от европейского проникновения. США расценивали жителей Гаити как детей, точно так же, как они относились к кубинцам и филиппинцам, когда отвоевали их территории у Испании во время Испано-американской войны 1898 года. Поэтому для генерала Смедли Батлера было совершенно нормально заявить, что жители Гаити – это американские «подопечные», которым пойдет на пользу период опеки, даже несмотря на то, что около 11 500 из них было убито в результате вторжения и оккупации⁶⁶. Соединенные Штаты «стабилизировали» Гаити, устраивая «охотничьи» экспедиции и физически уничтожая оппозицию, а впоследствии начали реконструировать страну. Была создана новая жандармерия, построенная по образцу Корпуса морской пехоты США, а население мобилизовывалось на принуди-

тельные работы. К тому времени, когда США покинули остров, в 1934 году, в рамках политики «доброго соседа» Рузвельта был успешно установлен жестокий проамериканский режим, благоприятный для бизнеса. С этого момента Соединенные Штаты были способны удовлетворять свои интересы, поддерживая преемственность диктатур, самой известной из которых стало печально известное правление Франсуа Дювалье (Папы Дока) и его сына Жана-Клода (Бэби Дока).

Другие вмешательства были менее интенсивными, но в равной степени бесцеремонными. Например, когда интересам США угрожала Мексиканская революция⁶⁷ против геронтократической диктатуры Порфирио Диаса, Вильсон вмешивался дважды. Основная часть прямых американских инвестиций вкладывалась в Мексику, и у американских инвесторов был большой пакет акций в лесных складах, шахтах и фермах. В целом Соединенные Штаты предпочитали дружественную к бизнесу Мексику, а не ведомую в популистском или радикальном направлении.

Поэтому когда Вильсон посчитал, что революция «вышла из-под контроля», он решил организовать интервенцию, якобы для поддержки умеренного, либерального крыла революции. Эта фракция, будучи далеко не в восторге от поддержки США, осудила ее как проявление империализма янки⁶⁸.

Фаза II. От «политики доброго соседа» к холодной войне

Политика оккупации стран Латинской Америки, наполняя доктрину Монро содержанием, которого она не приобрела во время срока полномочий президента, чье имя носит, была достаточно успешна в создании надежных клиентских режимов, чтобы Соединенные Штаты смогли отказаться от ряда своих обязательств во время администрации Франклина Д. Рузвельта, под эгидой его «политики добрососедства». Во всяком случае, США постепенно осознавали, что непрямой контроль с помощью дружественных режимов и доступа к рынкам в большинстве случаев был предпочтительнее прямой оккупации. Как убеждал Уолтер Лафибер, «Соединенные Штаты додумались до решения своей традиционной дилеммы, как применять силу, чтобы останавливать революции без необходимости иметь долгосрочные обязательства американских войск. Похоже, ответ был в том, чтобы использовать туземные, обученные американцами силы, которые могли бы и умиротворять, и защищать страну»⁶⁹.

Таким образом, доминирование США в послевоенную эпоху все больше принимало форму поддержания сети авторитарных режимов, ориентированных на интересы США, либо подрыва правительств, которые были ориентированы не так. Вместо прямой оккупации США вели переговоры с режимами о создании военных баз там, где у Соединенных Штатов были стратегические интересы. В Карибском бассейне медленный упадок власти Британии открыл возможности для проникновения США. Регион был богат ресурсами, изобиловал дешевой рабочей силой и географически соседствовал с Панамским каналом, построенным американским капиталом в условиях социальной и расовой сегрегации для облегчения импорта в Соединенные Штаты. Американские планировщики сгорали от нетерпения убрать с дороги «лимонников» и начать насаждать на этих островах базы. Где могли, они кооптировали антиколониальных лидеров; там, где это было невозможно, они применяли неустанное давление. Доктрина Монро достигла зенита своего влияния.

С точки зрения американского капитала это было идеально. Американские инвесторы принесли промышленный опыт, который превратил производство фруктов, сахара и добычу сырья в огромные, централизованные производственные предприятия. Одним из следствий этого процесса стало вытеснение мелких фермеров и крестьян с земель, наводнившее городские центры послушными работниками. В сочетании с мощными аппаратами безопасности,

созданными американскими морскими пехотинцами, эта централизация экономической власти консолидировала экономическую олигархию, которая имела мало стимулов отвечать на народные требования. А если городские рабочие и средние классы вместе с крестьянами пытались добиться реформ, у Соединенных Штатов были средства им воспрепятствовать. В глобальном контексте холодной войны, антагонизма между Соединенными Штатами и Советским Союзом, первые могли защитить возобновленное вмешательство как средство противостояния агрессивной, империалистической советской экспансии.

События 1954 года в Гватемале ярко иллюстрируют эту динамику. Правящий класс страны долгое время опирался на феодальную по сути систему контроля над рабочей силой, причем законы о труде и бродяжничестве давали власть узкой олигархической прослойке, которой принадлежала подавляющая часть земли. Система была близка к рабовладельческой. Послевоенная волна восстаний и реформы начали освобождать труд, а выборы 1950 года отдали власть представителю левого крыла Хакобо Арбенсу. Паническую реакцию Вашингтона трудно было переоценить. Группа сенаторов во главе с Линдоном Б. Джонсоном кричала о «международном коммунизме» – «империализме нового типа». В резолюции палаты представителей утверждалось, что русские нарушили доктрину Монро, на что может быть только один ответ: война. В установленном порядке американские бомбы смели избранное правительство и навязали в качестве президента антикоммунистического диктатора, полковника Карлоса Кастильо Армаса. Прибыли компании «Юнайтед Фрут», а также позиции правящего класса в стране тем самым были защищены⁷⁰.

В принципе, Соединенные Штаты отдавали предпочтение либерально – демократическому правлению по сравнению с реакционными олигархиями. В принципе, они были на стороне прогресса. И с точки зрения долгосрочных интересов США можно было бы утверждать, что развитие местной промышленности, сокрушение олигархов и консолидация широкого среднего класса как основы устойчивой демократии и потребительского рынка были оправданными. На практике, какие бы мягкие шаги ни предпринимала империя в этом направлении, они почти всегда извращались ее более глубокой приверженностью к выгодным условиям для инвестиций. Взять хотя бы «Союз ради прогресса» Кеннеди. Предполагалось, что он откроет эру либерального великодушия, в которую демократическая администрация будет предоставлять странам Латинской Америки необходимую помощь в обмен на благие реформы, такие как перераспределение земли, разрушение монополий и уменьшение бедности. На деле же проамериканские олигархи и американские фирмы предпочли использовать деньги для интенсификации продуктивности своих земель, инвестировать в обновление своих технологий, а проблему сокращения нищеты предоставить чудодейственным силам экономического роста, который последует.

Когда Кеннеди действительно поддерживал реформы, он, как правило, потом об этом жалел. Например, в Доминиканской Республике Соединенные Штаты долго поддерживали диктатуру Рафаэля Трухильо – невероятного клептократа, который захватил контроль над большинством ресурсов страны, но сохранял желаемую американским правительством политическую стабильность. После его убийства были проведены выборы, на которых Хуан Бош шел кандидатом от реформистов. Соединенные Штаты поддерживали его, полагая, что он приватизирует огромные владения бывшего диктатора. Вместо этого он сохранил их в качестве общественного имущества и подверг мобилизации сначала олигархов и их сторонников из военных, а затем и сторонников Соединенных Штатов. Последующий период переворота и контрпереворота, поддержанный американскими войсками, унес тысячи жизней и в конце концов завершился, только когда администрация Джонсона организовала приход к власти бывшего вице-президента правительства Трухильо, который должным образом приватизировал богатства страны и открыл экономику для американских инвесторов⁷¹.

Одновременно Соединенные Штаты вкладывались в программу военного обучения, предназначенную для укрепления аппаратов внутренней безопасности латиноамериканских диктатур. Это было необходимое противодействие волне радикализации, уже очевидной в Гватемале и при наличии дополнительной силы, когда Кубинская революция 1959 года увела главный местный приз Испано-американской войны из американской сферы влияния. Началась волна правых военных переворотов, начиная с Бразилии в 1964 году и кончая Аргентиной в 1976-м. Вершиной этой реакционной волны был переворот Аугусто Пиночета в Чили, который, по существу, превратил страну в лабораторию неолиберализма под руководством экспертов из Чикагского университета. Ряд организаций, от Государственного департамента до ЦРУ, работал над программой, по которой возникли печально известные эскадроны смерти, совокупный счет жертв которых достиг ошеломляющей величины в 1970-х и 1980-х годах⁷².

Это было особенно важно на фоне поражения США во Вьетнаме, что делало прямую военную интервенцию в большинстве обстоятельств невозможной. Только в Гренаде в 1982 году было предпринято прямое вторжение, чтобы свергнуть левое правительство Мориса Бишопа. Этот крошечный карибский остров не представлял никаких жизненных интересов для Соединенных Штатов, не говоря уже о вызываемой им «коммунистической» угрозе. Однако интервенция администрации Рейгана послала четкий сигнал: в Вашингтоне взяла власть администрация «новых правых», и она открыто находится в состоянии войны с левыми движениями в Латинской Америке.

В Никарагуа проамериканская диктатура Сомосы, несмотря на то, что она контролировала аппарат безопасности, созданный и десятилетиями поддерживаемый ее американским патроном, была свергнута народным движением сандинистов. В Сальвадоре подобное народное движение крестьян и рабочих было готово свергнуть национальных олигархов. Администрация Рейгана охарактеризовала это как откровенную советскую агрессию и приступила к широкомасштабной программе набора, обучения и вооружения эскадронов смерти на базах в Гондурасе. ЦРУ обеспечивало централизованные разведывательные системы, базирующиеся и в Гондурасе, и в Панаме, поставляя убийцам важную информацию. В Никарагуа «контрас», как собирательно называли эскадроны смерти, во время своего наступления убили приблизительно 50 тысяч человек. В Сальвадоре гражданская война унесла жизни до 80 тысяч человек, хотя есть свидетельства, что местные олигархи были готовы к операции по тотальной «зачистке», которая уничтожила бы до полумиллиона человек.

Фаза III. Права человека и неолиберальные реформы

Именно в этот жестокий и кровавый период старые антикоммунистические лозунги холодной войны начали заменяться языком прав человека. Администрация Рейгана заявила, что ее заботой в Латинской Америке является именно установление режимов, которые уважают универсальные права человека. Американская администрация утверждала, что в Сальвадоре в качестве антикоммунистической альтернативы фашистской партии АРЕНА она поддерживает христианских демократов, которые будут продолжать руководить гражданской властью. Она заявила, что на Гаити ее поддержка диктатуры Жана-Клода Дювалье заканчивается и что она будет выступать за свободные выборы. В Никарагуа после многих лет насилия «контрас» она в итоге встала на сторону Виолеты де Чаморро, чтобы нанести поражение сандинистам на выборах 1990 года, при существенной помощи США – и с угрозой экономической блокады в случае ее проигрыша. С учетом принятого наряду с этим решения администрации покончить с режимом Маркоса на Филиппинах, «Форейн Аффэйрз» приветствовала такое развитие событий, как «поворот к правам человека»⁷³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.